Джордж Райт

Сестра

В детстве мы с сестрой были не разлей вода. Такое, на самом деле, бывает совсем не так часто, как принято считать. Я слыхал кучу историй о братьях и сестрах, которые все детство ненавидели друг друга - из-за ревности, соперничества, традиционного презрения мальчишек к девчонкам и наоборот и просто из-за несовместимости характеров. Обычно о таком принято рассказывать со смехом и заключать историю заверением, что уж теперь-то, конечно, все совсем наоборот - но я не очень-то верю таким заявлениям. Большая ошибка считать все, что происходит в детстве, чем-то несерьезным. На самом деле и детские чувства - самые искренние, и детские воспоминания - самые прочные, а стало быть, и детские обиды остаются на всю жизнь, даже если кто-то не желает признаваться в этом ни другим, ни самому себе. Но, в любом случае, это было уж точно не про нас. Неразлучнее, чем мы с Нелл, наверное, бывают только сиамские близнецы. Хотя мы не были даже обычными близнецами.

Когда мне было три с чем-то, родители спросили меня, что я хочу в подарок на мой следующий день рожденья. Мне казалось, что до этого события еще целая вечность - собственно, на тот момент я помнил лишь один свой день рожденья, третий - и поэтому к выбору, посвященному столь редкому и знаменательному событию, я подошел со всей ответственностью. Уже в том возрасте я был весьма обстоятельным мальчиком и отнюдь не походил на неоднократно возмущавших меня впоследствии дураков из сказок, готовых профукать единственное желание на какую-нибудь ерунду типа мячика или даже машинки. Идея со щенком или котенком меня тоже не привлекала, потому что собаки кусаются, а кошки царапаются (во всяком случае, так утверждала мама, а разве она могла быть неправа?) Так что я важно заявил, что хочу себе сестричку.

Именно сестричку, а не братика. У меня уже был кое-какой опыт на детской площадке, свидетельствовавший, что мальчишки могут обзываться, толкаться и даже пытаться отобрать мои игрушки. Понятно, что в том возрасте я еще не гулял самостоятельно (равно как и мои обидчики), и любой конфликт взрослые пресекали в зародыше - но и этих зародышей мне было достаточно, чтобы не иметь желания проверять, во что они могут вырасти, особенно если мамы не будет рядом. А вот маленькие девочки - они такие миленькие!

Услышав мое пожелание, родители переглянулись, а затем папа с улыбкой сказал, что это можно устроить, а мама добавила: "Если, конечно, ты будешь хорошо себя вести".

Я очень старался вести себя хорошо всю оставшуюся до дня рожденья вечность - тем более что это было, в общем-то, несложно, ибо, как я уже сказал, я был мальчиком серьезным и обстоятельным, а вовсе не хулиганистым. И вот с приближением вожделенной даты (тридцать первого июля) мама и папа куда-то уехали, оставив меня на попечение бабушки, папиной мамы, которая жила с нами. Утром тридцать первого их еще не было - как не было и никаких гостей (родители их вообще не приглашали, у них был пунктик, что семейные торжества - это только для членов семьи), а у бабушки подгорел торт (она была уже слишком стара, чтобы съездить в магазин за покупным, и взялась изготовить его самостоятельно, но и это у нее вышло не очень). В общем, я уже подозревал, что весь долгожданный праздник пошел насмарку, и начинал обиженно хлюпать носом. И вдруг, когда на улице уже темнело и мне, вообще-то, пора было ложиться спать, открылась дверь, и вошла мама, имевшая вид усталый, но счастливый, а за ней улыбающийся папа, и на руках он нес завернутую в одеяло Нелл! И это был лучший подарок, когда-либо полученный мною на день рожденья не то что на тот момент, а и за всю мою дальнейшую жизнь.

Мои слезы тут же высохли, но я все же спросил родителей, отчего они так задержались. Мама сказала, что они купили Нелл в магазине и специально выбирали для меня самую лучшую сестренку, провозившись с этим до самого закрытия. Разумеется, в свои четыре года я принял это, как само собой разумеющееся, и потом долго еще полагал, что детский магазин[1] - это

[1] В оригинале baby shop

магазин, где покупают детей, так же, как в продуктовом магазине покупают продукты, а в книжном книги. Тогда это вообще была популярная версия. В те годы еще не было ни интернета, ни сексуального просвещения в школах, и о том, откуда на самом деле берутся дети, узнавали годам, в лучшем случае, к 12, причем обычно не от родителей и не от учителей, а от наиболее хулиганистых сверстников (чаще всего - от черных), а они, в свою очередь - от ребят постарше. А лично я имел все шансы узнать еще позже, ибо у меня не было ни одноклассников, ни уличных приятелей, даже белых. То есть, пока мы еще жили в городе, мне доводилось пару раз видеть беременных на улице или в магазине, но я полагал, что это просто толстые тетки, которым надо меньше есть. Однако, я опережаю события.

Поначалу, по правде говоря, Нелл меня несколько разочаровала. С ней нельзя было играть, она даже не разговаривала, только все время плакала. Но мама объяснила мне, что для маленькой девочки это нормально, и чтобы я все равно как можно больше общался и говорил с ней, потому что на самом деле она все понимает. Мама даже доверяла мне кормить Нелл - сперва из бутылочки с соской, а потом с ложечки. В ту пору, когда ее кормили родители, Нелл часто капризничала, пару раз даже выбивала ложку у мамы из рук - а вот у меня, который был лишь чуть-чуть больше ее самой, еду брала охотно. И первое слово, которое она сказала, было "Джон". Джон - это мое имя.

В общем, дела у нас с Нелл быстро пошли на лад, и вскоре мы уже жизни не мыслили друг без друга. Тут, конечно, сыграло свою роль и то, что больше нам общаться было фактически не с кем. Нет, нельзя сказать, что родители нас не любили - но они были слишком взрослые, неспособные играть на равных в детские игры - а главное, что они часто уезжали из дома. У них был грузовик, и они водили его вдвоем - пока один спит, другой за баранкой, что, как объяснял мне папа, позволяло им очень быстро доставлять товары во все концы страны (а то и за ее пределы) и зарабатывать много денег. Да, моя мама была не какой-то там домохозяйкой, способной рулить в лучшем случае семейным минивэном! У нее была лицензия на управление этим железным монстром, и даже с дополнительным допуском на перевозку опасных грузов. Но этакой брутальной бабищей, которая возникает в воображении при словах "женщина-дальнобойщик", она тоже не была. У нее был очень интеллигентный вид и университетский диплом химика - но она сочла этот их с отцом совместный бизнес более интересным занятием, чем целыми днями корячиться в офисе на какой-нибудь скучный концерн, выпускающий удобрения или ядохимикаты. В общем, боевая у меня была мамаша, что и говорить.

На самом деле они не были ни классическими дальнобойщиками, ни коммивояжерами - что-то среднее. Чаще всего они не брали готовые заказы на доставку, а сами находили продавцов для покупателей и наоборот, специализируясь не на регулярных рейсах, а на разовых доставках всяких нестандартных грузов. В эпоху, когда не было ни интернета, ни, тем более, мобильных телефонов, такой вот поиск нетипичных клиентов был чертовски непростой задачей, и к тому же, на первый взгляд, совершенно неблагодарной - ведь почти все заказы были одноразовыми. Но, на самом деле, такая штука, как горизонтальные связи, существовала и до всякого интернета, и даже до самого появления этого термина, и прежние клиенты давали какие-то наводки или рекомендации, помогавшие находить новых.

Во всяком случае, так мне объяснял папа, когда я уже подрос. А в первые семь лет своей жизни я как-то не особо интересовался подробностями их с мамой бизнеса. Я только знал, что родители могут в любой момент умотать неведомо куда на пару недель, а то и больше, и мы с Нелл оставались на бабушку, ту самую, что сожгла торт на мой четвертый день рожденья и с тех пор, понятно, моложе не становилась. Нет, нельзя сказать, что старуха совсем впала в маразм - ничего явно вредоносного, типа играть со спичками или отправиться гулять без присмотра, она бы нам не позволила. И с готовкой повседневной еды из полуфабрикатов она справлялась (торт все-таки пекут не каждый день), так что голодные мы не сидели. Просто она предпочитала целыми днями сидеть перед телевизором, нежели уделять внимание нам - и уж точно не могла

принимать участие в наших играх ни в какой, даже самой пассивной, роли, равно как и сопровождать нас куда-либо за пределы двора. А в самом дворе, обнесенном, кстати, высоким забором с запертыми на замок воротами, мы с сестрой могли довольствоваться лишь обществом друг друга точно так же, как и в доме. Причем, даже и когда родители возвращались, они тоже как-то не рвались выгуливать нас за воротами, где мы могли бы завести новых друзей. Если до моего четвертого дня рожденья мама еще периодически водила меня на детскую площадку, то после у нее вечно не находилось времени, сил или настроения. "Иди лучше поиграй с Нелл."

А я и не возражал! Мои впечатления от детской площадки были, как я уже говорил, по меньшей мере неоднозначными. А с Нелл мы точно знали, что ни один из нас никогда не обидит другого. И нам вовсе не было скучно! Сколько я себя помню, нам с Нелл никогда не было скучно вдвоем. У нас было не очень много игрушек - родители придерживались той философии, что если дарить детям игрушки слишком часто, они привыкнут и перестанут ценить и радоваться - зато у нас не было недостатка в воображении. Кем мы только не были! Помимо, разумеется, стандартных мальчишечьих игр в ковбоев (мне чаще приходилось быть лошадью) или девчоночьих - в принцесс. К примеру, Нелл могла быть пиратским капитаном, а я - китом, спасающим ее после кораблекрушения. Разбросанные диванные подушки были нашими волнами, а перевернутая табуретка - мачтами тонущего корабля (потом мне, правда, здорово попало за пиратский флаг, вырезанный ножницами из черного платья, висевшего в шкафу, которое мама все равно никогда не надевала; идея, вообще-то, была Нелл, но я взял всю вину на себя и чувствовал себя таким же героем, как и в игре, так что наказание, которое я вытерпел ради Нелл, по сути превратилось в удовольствие). Впрочем, к стандартным темам мы тоже подходили творчески. Как-то раз я предложил ради смеха: "А давай как будто я - принцесса, а ты - рыцарь!" Нелл прыснула и тут же сняла с себя платье, а я, соответственно - футболку и шорты. Мы, кстати, совершенно не стеснялись переодеваться друг при друге, и при бабушке, которой было лень наполнять ванну дважды, даже мылись вместе, хотя родители нам такого почему-то не позволяли. В тот раз, правда, мы решили не снимать трусы и не обмениваться ими, потому что под одеждой их все равно не видно. Я уже надел платье, а Нелл, расхохотавшаяся от этого зрелища, все еще стояла полуголая, потому что у нее заело молнию на моих шортах. И в этот момент в комнату вошла мама и застала эту картину - я в платье и напротив пунцовая от смеха почти голая Нелл, дергающая рукой в районе паха. Почему-то это зрелище рассердило ее гораздо больше, чем даже история с пиратским флагом, хотя на этот раз платье - то, что было на мне - осталось совершенно целым. Она велела нам немедленно снова одеться в свои законные вещи и развела по разным комнатам для допроса. Меня она спросила, получаю ли я удовольствие, когда надеваю девчоночью одежду. "Конечно, - ответил я, - нам было так весело! Нелл так смеялась, что у нее застряла молния. А я, глядя на это, тоже ржал." - "Я имею в виду... - мама, кажется, с трудом подбирала слова, что вообще-то для нее было нетипично, - особенное удовольствие... в особенном месте твоего тела." Мне было семь лет, и я понятия не имел, о чем она. Я только видел, что она очень огорчена и сердита. "Ма, - сказал я, - не было ничего особенного. Мы просто играли. Что не так? Это из-за молнии? Думаешь, придется покупать новые шорты? Наверняка ее еще можно аккуратно расстегнуть и застегнуть, если не смеяться при этом." Мама еще некоторое время сверлила меня пристальным взглядом, затем, видимо, все же сообразила, сколько мне лет и что я не притворяюсь. "Ладно, - сказала она, - забудь. Только никогда больше так не играйте. Она же твоя сестра." - "Конечно, она моя сестра! - воскликнул я. - Разве я бы стал раздеваться перед чужой девчонкой? Да еще натягивать ее шмотки! Вдруг она блохастая?" Тут мама впервые улыбнулась, и я решил развить наступление: "Значит, в кита, в лошадь, в дракона играть можно, а в девочку нет? Почему?" - "Подрастешь - поймешь." Я ненавидел, когда взрослые так отвечают, но понял, что лучше не настаивать. А мама добавила с почти заговорщицким видом: "Не говори папе про эти ваши игры, и я тоже не скажу." Ну ладно. Секрет так секрет. Почему бы не поиграть и в секреты, ради разнообразия - раз уж больше с

родителями играть все равно не во что.

А вот от Нелл у меня секретов не было. Никогда.

Но я опять забежал вперед. Это все было, когда мне было уже семь, а за год до этого случилось еще одно важное событие. После своего шестого дня рожденья я ожидал, что пойду в школу. Эта перспектива вызывала у меня смешанные чувства - с одной стороны, страх, проекция все тех же воспоминаний о мерзких типах на детской площадке, притом, что здесь уже рядом не будет мамы, чтобы меня защитить, а на учительницу надежда слабая. Ну а с другой стороны все-таки надежда обрести новых друзей. Все же я смотрел телевизор и читал детские книжки, где эта самая дружба с одноклассниками описывалась довольно привлекательно. "Повелителя мух" я тогда еще, понятно, не читал. У меня мелькнула, правда, мысль, не будет ли эта новая дружба предательством по отношению к Нелл, и я сделал то, что делал всегда - прямо спросил ее об этом. Она ответила, что, конечно, нет - в школе я буду дружить с одноклассниками, а дома по-прежнему с ней, и всем будет хорошо. Хотя, добавила она, ей будет все-таки жалко, что теперь мы будем проводить столько времени порознь, но ведь так надо. И потом, это ведь ненадолго. Через год она тоже пойдет в школу, и мы хотя и будем учиться в разных классах, но сможем встречаться на переменах.

И вдруг родители, как раз вернувшиеся из очередной поездки в самом конце августа, огорошили меня известием, что никакой школы не будет. В школе полно плохих мальчиков, которые будут нас обижать - особенно теперь, когда в ранее приличных белых школах полно негров - так что мама с папой обо всем позаботятся и возьмут меня, а следом и Нелл, на домашнее обучение.

Первым моим чувством было облегчение. Черт с ними, с этими потенциальными друзьями, родители только что подтвердили мои худшие страхи, а им я, конечно, доверял больше, чем всяким глупым книжкам, в которых каких только выдумок не пишут (и кто сказал, что школьная дружба более реальна, чем фея Динь-Динь? Мне, кстати, совсем не понравился "Питер Пэн" - все в нем было слишком ненастоящее, включая пиратов, не то что в моем любимом "Острове сокровищ".) Но - будучи, как было сказано, мальчиком серьезным и обстоятельным - я не мог не спросить, каким же образом родители собираются нас учить, если они все время в разъездах? На что папа взъерошил мне волосы и сказал, что программа первого класса очень простая, читать я уже умею, писать тоже (печатными буквами, ну да какая разница), так что осталось только выучить таблицу умножения, а больше там, по сути, и делать-то нечего. Еще они мне купят книжек с картинками, которые все объясняют не хуже, чем живой учитель, и ходить в школу станет окончательно незачем.

Так оно и вышло. По сути, программу первого класса мы прошли вместе с Нелл, потому что все делали вместе, и там действительно нет ничего такого, что смышленая девочка не могла бы освоить и в пятилетнем возрасте. Она даже научилась писать очень красивым почерком - у меня так не выходило, и я ей даже завидовал, но, конечно, по-доброму. Так прошел год, и случилась та самая история с переодеванием. А буквально через пару дней, в преддверии нового учебного года - программа которого, как я подозревал, должна была быть все же посложнее - папа вдруг объявил, что мы уезжаем. Уезжаем насовсем, в другой штат, и будем жить не в городе (хотя бы даже и отгородившись от него забором), а в одиноком фермерском доме, где вокруг - никого, кто мог бы нам навредить. Он сказал именно "нам", а не "вам с Нелл".

До этого самыми большими путешествиями в моей жизни были поездки с мамой в магазин за одеждой, да и те можно было пересчитать по пальцам. (А Нелл мама не брала даже туда, просто набирала для нее кучу разных шмоток и потом возвращала в магазин те, что не подошли. Странно, но мне не приходило в голову выяснять, почему бы не применить тот же подход и для меня - наверное, несмотря на всю утомительность примерок, мне все же не хотелось лишиться этих редких выездов за пределы двора.)

В общем, я был изрядно шокирован, и моей первой мыслью даже было, уж не наказание

ли это за ту злосчастную игру, о которой мама, несмотря на обещание, все-таки проболталась папе. Но в ответ на мой осторожный намек - не мы ли с сестрой, мол, сделали что-то неправильное - он пояснил, что дело вовсе не в нас. Просто они с мамой накопили уже достаточно денег и решили закрыть семейный бизнес, становящийся слишком хлопотным. Да и бабушка уже слишком старенькая и не может больше присматривать за нами, когда родителей нет дома. Так что теперь мы все всегда будем вместе в новом большом доме - больше, чем этот, и на ферме сколько угодно места для игр, не то что в этом скучном дворе. Разве не здорово?

Звучало и впрямь заманчиво. Но это была не вся правда. Перед самым нашим переездом, когда мы паковали вещи и переносили их в машину и в грузовик, я поговорил с родителями без Нелл. Она уже сидела в машине с бабушкой, а я еще укладывал в коробку свои книжки в ярких обложках. На одной из них скалил зубы раскрашенный дикарь, потрясавший томагавком. В те годы детские приключенческие книжки были намного реалистичнее, чем сейчас - от детей не скрывали, что аборигены, вообще-то, не были милыми улыбчивыми ребятами, а были очень даже кровожадными и даже людоедами. Так вот, взглянув на эту картинку, я, наконец, решился задать маме давно беспокоивший меня вопрос: "Это ведь неправда, что детей покупают в магазине? Потому что откуда тогда дети у дикарей? У них-то никаких магазинов нет, они же дикие!" Мама посмотрела на меня с улыбкой и сказала, что я умный и большой мальчик, и пора мне уже узнать - и пояснила, что дети на самом деле рождаются из маминого живота (ни словом не помянув, понятно, предшествующий тому процесс). День рожденья (странно, я никогда раньше не задумывался над буквальным смыслом этого выражения) - это и есть годовщина этого события. "Но как же Нелл? - спросил я. - Она не могла появиться из твоего живота - она бы там просто не поместилась. Она, конечно, была маленькая, но все-таки не настолько. И ее день рожденья за день до моего, - мне всегда нравилось, что наши дни рожденья как бы перетекают один в другой - но ей шесть лет. А если бы она родилась тогда, когда мне было четыре, ей было бы сейчас только три!" Мама подозвала папу, который как раз проходил мимо распахнутой двери детской с большой коробкой в руках, и тихо сказала ему что-то вроде "пора уже объяснить". А потом снова повернулась ко мне: "Видишь ли, Джон... на самом деле Нелл - не совсем твоя сестра." - "То есть как?!" - я уставился на нее округлившимися от ужаса глазами ребенка, у которого пытаются отобрать самого близкого ему человека. "С чисто биологической точки зрения, - не очень понятно пояснила мама. - Ты понимаешь, когда я тебя вынашивала... когда ты был у меня в животе, случилось осложнение. К счастью, докторам удалось спасти и меня, и тебя. Но мне они сказали, что я больше никогда не смогу иметь детей. Поэтому, чтобы подарить тебе сестричку, мы удочерили сироту. Девочку, настоящие родители которой умерли. На самом деле, - поспешно добавила она, - это не имеет никакого значения! Мы все ее любим и всегда будем любить, как родную - и я, и ты, и папа. И она сама уже не помнит, что жила с нами не с самого рождения. Но ты никогда, никогда не должен говорить ей об этом! Ты ведь понимаешь, как она будет несчастна, если вспомнит? Если узнает, что ее настоящие мама и папа умерли? Ты ведь не хочешь, чтобы твоя любимая сестричка плакала?" - "Нет! - решительно замотал головой я. - Нет, никогда!" - "Ни ей и никому другому, - добавила мама. - Ты ведь понимаешь, чужие люди могут проболтаться. Им-то вообще наплевать на Нелл и на ее чувства."

- И вот еще что, Джон, - вмешался папа, уже поставивший тяжелую коробку на пол. - Не стоит *вообще* ни с кем трепаться про Нелл. Не только про удочерение - вообще говорить о ней, понимаешь? Там, куда мы едем, у нас не будет никаких соседей в радиусе пары миль, так что особо некому будет докучать расспросами - но если вдруг... Ты понимаешь, в чем тут дело. Это самое удочерение, если делать все по правилам - очень долгий и муторный процесс. Нужно убеждать тупых бюрократов и конкурировать с кучей других желающих взять хорошего здорового белого ребенка. Мы могли не успеть к твоему дню рожденья, и нам бы вообще не отдали Нелл, а отдали бы какую-нибудь умственно отсталую дочку наркоманов и алкоголиков. Поэтому мы, ну, срезали углы, как это называется. Сунули кое-кому взятку, получили не совсем

настоящие документы. И если это когда-нибудь всплывет, у нас отберут Нелл, а нас с мамой, может быть, вообще посадят в тюрьму, а тебя тогда отдадут чужим людям. Ты ведь этого не хочешь?

Я снова замотал головой так сильно, что, казалось, она сейчас оторвется.

- Ну, вот и хорошо, - кивнул папа. - Ты уже большой парень, и я говорю с тобой, как со взрослым. Это все не игры. Ты ведь понимаешь, насколько все это серьезно?

- Так мы переезжаем из-за этого? - осенило меня. - Кто-то здесь в городе узнал про Нелл?

- Умный парень, - снова кивнул папа. - Нет, пока еще не узнал... надеюсь. Но может узнать. Домашнее обучение - не гарантия, инспектора по делам несовершеннолетних любят совать нос в такие семьи, где дети не ходят в школу. Так что на новом месте, где никто вообще ничего не будет про нас знать, нам будет безопаснее. И вот еще что - если кто-нибудь все-таки попытается расспрашивать тебя о сестре, откровенно врать тоже не надо. Это тоже может вызвать подозрение, особенно если ты сыграешь недостаточно убедительно. Не говори, что никакой сестры у тебя нет и никогда не было. Говори, что не обсуждаешь свои семейные дела с посторонними... и вообще не разговариваешь с посторонними. Это, кстати, вообще самое правильное, о чем бы ни шла речь, и кем бы они ни представлялись. И, конечно, сразу же рассказывай о любом таком любопытном нам с мамой. Ты все понял?

Я заверил, что понял. Отец в очередной раз взъерошил мне волосы (почему-то он считал этот жест одобрительным, хотя мне такое никогда не нравилось) и потащил коробку дальше в грузовик.

Вот так у меня появился первый секрет от Нелл.

Новый дом нам с сестрой понравился. Старый, но крепкий, двухэтажный, с большим чердаком, подвалом и целой кучей хозяйственных построек вокруг, он казался настоящим замком. А вот земли вокруг, которые теперь тоже принадлежали нам, производили двойственное впечатление. С одной стороны, по сравнению с прежним маленьким двором это был целый мир, где мы могли гулять и играть (единственное условие - не подходить близко к дороге, где ездят машины, ну и, понятно, не перелезать через ограждение, которое здесь тоже было, но не в виде высокого забора, а в виде столбиков с колючей проволокой и канавы). С другой - уж больно уныло выглядели эти "феодальные владения". Пока мы ехали, воображение рисовало мне лес, ручей (может, даже целую речку, в которой можно купаться и ловить рыбу, о каковых занятиях мы до сих пор знали только из книжек и телевизора), возможно - заросли кукурузы выше нашего роста (и даже выше папиного), где можно будет играть в настоящие джунгли с кровожадными дикарями. Но дом окружали лишь скучные заброшенные картофельные поля, где ничего не росло, кроме редкой и жесткой сорной травы (по которой даже не было приятно ходить босиком, в отличие от мягкой травки в нашем прежнем дворе). Твердые комья бурой земли и жесткая колючая трава, и так - до самой ограды, за которой было все то же самое. Соседей у нас не было, как и обещал папа - соседние фермы стояли заброшенные, что, понятно, полностью отвечало целям нашего переезда в эту глухомань. В наследство от прежних владельцев нам достались также ржавый трактор и еще более ржавый пикап, про которые папа сказал, что они, должно быть, помнят еще Рузвельта, на что мама откликнулась: "Франклина или Теодора?" Я понятия не имел, кто это такие, но судя по тому, как папа довольно гыгыкнул, это была шутка. Эти развалюхи, стоявшие прямо под открытым небом, были, разумеется, давно не на ходу и едва ли подлежали ремонту, но для нас с Нелл это были настоящие сокровища - еще бы, не каждый ребенок может играть с "машинками" в натуральную величину! Будь они на ходу, нам бы наверняка не позволили в них играть, а так они безраздельно принадлежали нам - после того, как папа лично проверил, что внутри нет никаких острых железяк, о которые можно пораниться, и, что еще более важно, осиных гнезд. На чердаке таких гнезд обнаружилось целых два - одно, правда, такое же мертвое, как и дома вокруг, но другое вполне обитаемое, и папе пришлось опрыскивать его из баллончика, прежде чем уничтожить. Мама воспользовалась случаем

преподать нам урок природоведения и рассказала, что осы, в отличие от пчел, могут безнаказанно жалить сколько угодно раз, а вот пчелы - нет. Жало пчелы имеет зазубринки, которые не позволяют вытащить его из тела жертвы, и при попытке сделать это пчела вырывает жало из собственного живота вместе с кишками и умирает. "Так что, - заключила мама, - если вас ужалила пчела, не стоит злиться, помните, что за свою вину она уже наказана мучительной смертью." - "Зачем же пчела жалит, если за это ей вырывают кишки?" - спросила Нелл. "Такова ее природа, - пожала плечами мама. - Она не может не жалить, несмотря на последствия." - "Просто пчела глупая, - сказал я. - Я бы на ее месте сначала сточил эти зазубрины напильником, а потом уже жалил." Папа рассмеялся и снова сказал, что я умный парень и далеко пойду - но хотя бы не стал ерошить волосы, потому что руки у него были грязные после возни на чердаке.

Бабушка умерла всего через неделю после нашего переезда. Просто не проснулась однажды утром. Нелл немного поплакала по этому поводу, но я - нет. Хотя бабушка не была с нами строгой, она больше любила телевизор, чем нас. Может, она и умерла от тоски по своим сериалам, которых на новом месте не было в списке доступных каналов. По правде говоря, я вообще не понимал, зачем мы взяли ее с собой. Почему просто не оставили в старом доме (как оставили там почти всю мебель и даже тот же ее старый телевизор), раз уж она больше не нужна была для присмотра за нами. Мама надела черное платье (понятно, уже не то, которое я порезал, а другое, которое пришлось купить ему на замену), и я понял, зачем оно было нужно. Все эти годы оно, ну то есть то предыдущее, висело в шкафу, дожидаясь смерти бабушки.

Нас с сестрой не взяли на похороны (где Нелл увидели бы посторонние), и это было хорошо, нам совсем туда не хотелось. Таким образом, мы впервые в жизни, пусть и всего на несколько часов, остались дома совершенно одни (мне было 7, Нелл 6). Конечно же, нам было строго-настрого запрещено куда-либо выходить, в том числе в подвал, на чердак и на кухню (где спички, газ и острые ножи), а на случай, если мы проголодаемся, нам оставили в детской целую гору упаковок печенья, чипсов и крекеров (больше, чем могут съесть двое детей и даже двое взрослых за такое время) - но все равно, я безмерно гордился оказанным доверием. Правда, как это чаще всего бывает, реальность оказалась куда более пресной, чем предвкушение. Волнительное чувство, от которого сладко замирало в животе - вот сейчас мы останемся Совсем Одни в целом доме, а фактически - на всей ферме и вообще в радиусе нескольких миль вокруг, быстро сошло на нет, как только мы убедились, что в доме без родителей (и без бабушки) все точно так же, как и при них, когда они находятся в дальней комнате и мы их не слышим. По счастью, у нас хватило ума не искать приключений, нарушая родительские запреты. Как я понимаю теперь, случись что, мы бы даже не смогли вызвать помощь - телефон в доме был, но родители ничего не рассказывали нам про 9-1-1. Но я был серьезным и рассудительным мальчиком, а Нелл, хотя и отличалась более авантюристичной натурой, привыкла подменять реальные приключения воображаемыми. К тому же в доме не было никаких запретных и таинственных мест, которые нам непременно хотелось бы обследовать - за неделю мы уже успели облазить (в сопровождении родителей или одни) и подвал, и чердак, и сараи, а зарядивший за окнами нудный дождь - предвестник осени - отбивал всякое желание выходить на улицу. Короче говоря, если у дома и были какие-то страшные тайны, мы упустили шанс их раскрыть. Мы до отрыжки наелись чипсов и спокойно дождались возвращения родителей. Скучно нам не было. Нам никогда не было скучно вместе.

Потом родители уже часто оставляли нас одних, уезжая куда-нибудь вдвоем, но все это были такие же краткосрочные поездки в соседние городки - за покупками, в ресторан или в кинотеатр ("там крутят только взрослые фильмы и детей не пускают", объясняли они нам, но я догадывался, что это не единственная причина, по которой они не берут с собой нас с Нелл). Их дальние поездки на много дней действительно полностью прекратились, и даже свой грузовик они продали (в последний раз они пользовались им, чтобы отвести бабушку на кладбище). Хотя мы и не превратились в фермеров, живущих собственным хозяйством, денег, заработанных

родителями раньше, вполне хватало на жизнь, тем более что жили мы скромно и не нуждались в роскоши. Несколько раз в доме появлялись посторонние - когда требовался ремонт, с которым папа и мама не могли справиться своими силами. Но водопроводчик и электрик - это ведь не полиция, они не суют нос, куда не просят, так что мы с Нелл просто спокойно сидели в детской (или еще какой-нибудь комнате), пока они делали свою работу в другой части дома.

Нелл, надо отдать ей должное, не пыталась бунтовать против нашего уединенного образа жизни. Родители сумели мягко, не запугивая, объяснить ей, что детям, и в особенности девочкам, не следует общаться с посторонними, и лучше вообще не попадаться им на глаза - и Нелл, которая не знала другой жизни с тех пор, как себя помнила, просто приняла это, как естественный порядок вещей. Правда, книги и фильмы по телевизору говорили иное. Там дети очень даже активно общались за пределами своей семьи - по крайней мере, с другими детьми. Но уже на второй год нашей жизни на ферме в наш курс домашнего обучения, предмет "английская литература", был включен "Повелитель мух" (который, насколько я знаю, и в самом деле входит в программу многих школ, но все же для более старших классов), да и позже родители не упускали случая как бы между прочим подсунуть нам очередное свидетельство, что другие дети - это неприятные и опасные существа, от которых лучше держаться подальше. Да, конечно, не все они плохие - в конце концов, и мама с папой когда-то были детьми - но среди них все-таки слишком много тварей, которым нравится мучить и унижать других, так что лучше не рисковать. Ведь у Нелл уже есть Джон, а у Джона есть Нелл, и никакой посторонний никогда не станет таким близким, как брат и сестра. Так зачем же искать меньшее тем, у кого уже есть большее?

Это было логично, и мы были согласны. В конце концов, мы никогда не знали другой жизни - если не считать моего почти уже забытого раннего опыта с детских площадок, лишь подтверждавшего родительские слова.

Год шел за годом, и нам по-прежнему не было скучно друг с другом. Современные дети, небось, не представляют, как можно выжить без интернета и компьютерных игр, но тогда так жили все, а не только мы. У нас были книжки, и у нас было наше воображение, превращавшее унылые заброшенные поля вокруг в самую большую игровую площадку на свете, принадлежавшую нам одним. Я научился паять, и отец, желая поощрить это полезное увлечение, подарил мне конструктор для старших школьников, из которого можно было собрать настоящий работающий радиоприемник. А у мамы на свой тринадцатый день рожденья я выпросил гитару и самоучитель к ней. Нелл, в свою очередь, здорово рисовала и так увлеклась темой английских поэтов (наше домашнее обучение продолжалось, хотя и не было таким регулярным, как уроки в обычной школе), что сама начала писать стихи. Сперва смешные, чтобы поддразнить меня (беззлобно, конечно же) - написала про меня целую кучу лимериков. До сих пор помню один:

There lived little John on a farm,
Who was bragging: "I fear no harm!"
But, when he saw a fly.
Which was buzzing nearby,
He ran back with a siren alarm.

Я два дня грыз карандаши над ответом - у меня со стихами не так хорошо, как у нее - но в итоге все-таки выдал ей свою страшную месть:

On the farm, there lived little Nell,
Whose hair was never cut quite well.
Once, to make the mess lesser,
She went to a hairdresser,
But she stepped on her hair and fell.

До сих пор горжусь - это лучшее стихотворение, написанное мною за всю жизнь. Ну, по правде говоря, не то чтобы я писал много других, но оно и правда лучше, чем у Нелл. Во-первых, в ее лимерик на место "Джон" можно подставить кого угодно (включая, кстати, ее саму, хотя это уже, понятно, было бы неспортивно) - а вот я зарифмовал именно ее, и тут уже не отвертишься. А во-вторых, я ни от каких мух не бегал, а вот она действительно после десяти лет стала отращивать длинные волосы. (До того мама стригла нас обоих примерно одинаково, "под мальчика", но в десять Нелл уперлась, что хочет длинные. Мама ворчала, что на них уходит много шампуня, но смирилась.)

Ну так вот, после этих упражнений в остроумии Нелл начала писать и более серьезные стихи. А я сказал, что, когда выучусь играть на гитаре, сделаю из них песни. По правде говоря, после моих первых гитарных упражнений у меня здорово болели пальцы от струн, и я уже немного жалел, что взялся за это дело - но теперь отступать было некуда. Мне не хотелось расстраивать маму, которая проницательно предупреждала, что, мол, куплю тебе гитару, а ты через пару недель ее забросишь - но материнские упреки я бы еще мог пережить. А вот нарушить обещание, данное Нелл, я не мог никак. И она бы тоже никогда не нарушила обещание, данное мне.

В общем, скучать нам было особо некогда, но в то же время время на ферме словно бы и не текло вовсе. Поскольку мы не ходили в школу, а родители - на работу, для нас не существовало ни дней недели, ни каникул, ни отпусков. Если бы мы жили на самом юге, то, наверное, даже не очень замечали бы смену лет, но в середине Америки зиму с летом перепутать все-таки трудно. При этом мы, понятно, постепенно взрослели, перешли из детей в тинэйджеры, у меня сломался голос, а под футболками Нелл (которые она теперь предпочитала носить вместо платьев) обозначился первый намек на груди - но все это происходило так плавно и спокойно, без всяких описанных в миллионе книжек возрастных кризисов, что казалось - такой будет наша жизнь всегда. Нелл даже однажды высказала странную мысль - "А что, если мы уже умерли и находимся в раю?"

В раю, да. В отличие, опять-таки, от миллиона книг, где подобное предположение высказывают в прямо противоположном смысле. Хотя у постороннего наш одинокий дом в глуши среди заброшенных и заросших сорняками полей ассоциировался бы скорее с лимбом. Но мы были там счастливы, и нам не было дела до посторонних.

Проблемы начались, когда у Нелл заболел зуб.

Нам было, соответственно, 13 и 14, и мы до тех пор ни разу не были у дантиста. Как, собственно, и у других врачей. Никаких врожденных болезней у нас, по счастью, не было, подцепить серьезную заразу, не выходя из дома, тоже было негде (ну разве что - если бы ее притащили из своих поездок родители, но они говорили, что каждый год делают прививки от гриппа). Серьезно простудиться или травмироваться нам тоже было негде. Обычные мелкие детские хвори мама лечила сама, говоря, что она химик, а значит, почти что фармацевт, и в те годы даже антибиотики можно было купить без рецепта. Что касается зубов, то мы были с самых ранних лет приучены старательно чистить их после каждой еды, и без всяких там "сохранить во рту подольше сладкий вкус". Как говорил папа, "знаете, почему дантист так называется? Потому что каждый визит к нему оставляет такую вмятину[2] в бюджете, как столкновение с грузовиком!" Я, кстати, принимал это объяснение за чистую монету и только через несколько лет понял, что это была шутка. Как понял и то, что еще более важной причиной, чем финансовая (хотя причина безумных цен на услуги дантистов остается для меня загадкой до сих пор), было нежелание родителей демонстрировать врачу Нелл и заносить сведения о ней в медицинские документы. В раннем детстве мы все же заработали пару дырок в молочных зубах, но родители говорили нам, что было бы глупо тратиться на их лечение, они все равно скоро

[2] Каламбур: dentist - дантист, dent - вмятина, особенно на корпусе автомобиля после столкновения.

выпадут, а пока можно просто не жевать на той стороне - однако нам это урок, как важно следить за зубами, чтобы не допустить того же самого, когда у нас вырастут уже постоянные. Но вот, несмотря на старательную чистку и флоссы, Нелл все-таки не уберегласъ. Когда стало ясно, что полосканиями делу не поможешь, и что зуб болит даже тогда, когда на нем не жуешь (я впервые видел Нелл такой несчастной, и у меня сердце разрывалось от жалости), мама и папа с великой неохотой, но все же решились отвезти Нелл к врачу.

Они поехали не в соседний город, а далеко, куда-то за полтораста миль. Нелл они объяснили это тем, что в большом городе доктора лучше, чем в нашем захолустье. Дантист поставил ей не одну, а две пломбы, обнаружив дырку в еще одном зубе, который пока не болел (пришлось еще уговаривать его сделать две процедуры за один визит - "нам далеко ехать") и сказал, что девочке надо исправить прикус, так что он установит ей скобки, но это уже в следующий раз. Родители от скобок решительно отказались. Поскольку они не были постоянными клиентами и не имели оформленной на Нелл страховки, им пришлось расплатиться наличными.

Вернулись все трое усталыми, но довольной выглядела одна Нелл, у которой больше ничего не болело. У папы и мамы вид был озабоченный. Позже я на правах Взрослого Четырнадцатилетнего Мужчины, Посвященного в Семейную Тайну, переговорил с ними без сестры.

- Думаете, доктор что-то заподозрил? - спросил я без обиняков.

- Доктор - вряд ли, - поморщилась мама. - Ему бы только деньги слупить, а больше его ничего не волнует. Скобки вот эти навязать пытался... А вот его ассистентка так и зыркала то на Нелл, но на меня. Приметила, что мы не похожи.

Это правда, сходства между ними было немного. У Нелл волосы золотистые и кучерявые, а у мамы черные и прямые. У Нелл носик вздернутый, а у мамы длинный с горбинкой. Глаза, губы, подбородок - ну, короче, все разное. Я считал красивыми их обеих, но каждую по-своему. И сказать, что Нелл пошла в папу, тоже было нельзя. Хотя - кто сказал, что дети обязаны быть копией родителей? Впрочем, я другие семьи видел разве что по телевизору, а там их играют актеры, которые между собой не родственники...

- Я ведь говорил тебе, чтобы ты не ходила с нами, а подождала в машине, - сердито сказал папа.

- Надо же было ободрить девочку, чтобы она не боялась! - возразила мама.

- Но что с того? - сказал я. - Даже если ассистентка догадалась, что Нелл удочеренная - это же не преступление!

- И страховки на ребенка нет, - добавил папа. - А вот это уже необычно. К тому же врач спросил Нелл, когда она в последний раз была у дантиста, и она ответила, что никогда. Надо было заранее проработать с ней легенду, но как бы я ей объяснил необходимость врать? Она уже слишком большая и умная, чтобы поверить, что это "просто игра".

- И что? - повторил я. - Думаете, они теперь пришлют к нам этого инспектора по несовершеннолетним?

- Не пришлют, - покачал головой папа. - Я дал им фальшивый адрес. Но если кто-то попытается копать и обнаружит это, то это само по себе подтвердит подозрения. А нас видели и могут описать. Уж по крайней мере доктор и его ассистентка точно, особенно если они что-то заподозрили. Хорошо, что я хотя бы парковался не на стоянке клиники, так что оттуда точно никто не видел нашу машину и ее номер...

- Слушайте, а к чему вообще вся эта конспирация? - перебил я. - Вы говорили, что документы на удочерение Нелл "не совсем настоящие". Но ведь Нелл же не в ЦРУ на работу поступает. Их не будут так строго проверять из-за обычного визита к врачу. Иначе зачем они вообще нужны, если ими нельзя пользоваться?

Мама и папа переглянулись, затем папа вздохнул.

- Видишь ли, Джон, - сказал он, - когда тебе было всего семь, мы сказали тебе не всю правду. Точнее - мы сказали ее, когда тебе было четыре. Нет никаких документов об удочерении. Мы действительно купили Нелл.

Я задохнулся от возмущения. За кого они меня принимают?! Теперь-то мне уж точно не четыре, и я знаю, что детей не продают в магазинах!

- Не в магазине, конечно, - поспешно пояснил папа, видя мой гневно распахнувшийся рот. - Напрямую у ее настоящих родителей.

- Они же умерли?

- На самом деле нет. Они просто были очень плохие люди. Плохие люди, которым были так нужны деньги, что они готовы были продать собственную трехлетнюю дочку любому, кто заплатит. Нелл очень повезло, что им подвернулись мы. Страшно представить, что сделали бы с ней другие потенциальные покупатели.

- Тогда почему вы не заявили на них в полицию? Они же преступники!

- Потому что то, что я говорил тебе про тупых бюрократов - тоже правда. По закону нам бы не отдали Нелл. Даже если бы ее родителей лишили родительских прав и посадили в тюрьму, у них оставались родственники, которые предъявили бы права на опекунство. Ты хотел сестричку, или ты хотел торжества закона?

В три с чем-то года я вообще едва ли понимал, что такое "торжество закона", но по сути он был, конечно, прав.

- Ну и, кроме того... - продолжал папа, - мы познакомились с этими людьми не просто так, они были клиентами нашей транспортной компании. Нет, сами-то мы, конечно, занимались только законными перевозками. Но необычными, часто связанными с чужими секретами, и поэтому сильно зависели от того, чтобы одни наши клиенты рекомендовали нас другим. Если бы их арестовали по нашей наводке, пусть даже и за дело, это нанесло бы урон нашему бизнесу. А так, в общем, никто не был наказан, но никто и не пострадал. Те люди получили свои деньги, а мы спасли Нелл. И стали ей самой лучшей семьей, какая только может быть. Разве не так, Джон?

- Так, конечно, - горячо кивнул я, снова с ужасом представив себе, что Нелл, даже и спасенная от своих извергов-родителей, могла так и остаться для меня чужой незнакомкой.

- Вот, теперь ты все знаешь, как взрослый, - заключил папа. - Видишь, мы тебе полностью доверяем. Смотри же, не подведи наше доверие.

- Ты ведь понимаешь, Нелл все равно ничего не должна знать, - добавила мама. - Узнать, что у тебя были *такие* родители - это еще хуже, чем узнать, что они умерли.

Конечно, я заверил их, что все понимаю.

Некоторое время в нашей жизни все оставалось по-прежнему, и я уже начал забывать про этот визит к дантисту, но пару месяцев спустя - был конец октября или начало ноября - когда мы всей семьей сидели за ужином, в соседней комнате вдруг зазвонил телефон.

Это было так неожиданно, что вздрогнули, кажется, все, включая папу. Я успел уже забыть, что в нашем доме вообще есть телефон - точнее, что он работает, а не просто собирает пыль в числе прочих древних аксессуаров, оставшихся от прежних хозяев. В последний раз мы, точнее, папа, пользовались им два года назад, когда корни сорняков проросли в канализации, и нам пришлось вызывать сантехников, которые сняли унитаз и прочистили трубу. Нам самим не звонил никто и никогда - даже навязчивые идиоты, пытающиеся что-нибудь продать. Нашего телефона не было в справочнике.

Мы сидели неподвижно с ножами и вилками в руках, пока настырный звонок не выдал третье нахально-требовательное "Дзззыыыннннь!"

- Надеюсь, Джон, это не ты завел подружку, которая тебе названивает? - осведомился папа вроде бы шутливо, но только вроде бы.

- Я даже не знаю, какой у нас номер! - честно ответил я.

- Может, это дантист насчет скобок? - предположила Нелл. Ей самой, кстати, это его предложение тоже совершенно не понравилось - она видела в паре фильмов девушек со скобками на зубах и находила, что это их жутко уродует, в то время как к той улыбке, которую она наблюдала в зеркале, у нее никаких претензий не было. Наверное, мама была права - этим докторам лишь бы найти повод содрать с пациента лишние деньги.

- Нет, - ответил папа, - я дал ему неправильный телефон, чтобы он не вздумал нас беспокоить.

Телефон тем временем продолжал трезвонить. Встроенной голосовой почты, как стандартной функции телефонного провайдера, в те времена не было. Как не было и автоопределителей номера. Автоответчики представляли собой отдельное устройство, подключаемое к телефонному аппарату, и у нас такого, понятно, не было, нам он никогда не требовался.

- Наверное, просто ошиблись номером, - предположила мама. - Позвонит и перестанет.

Дзззыыыннннь!

- Такое впечатление, что он знает, что мы дома, - пробормотал папа. - Видит свет в наших окнах.

Надо сказать, мы всегда, прежде чем зажечь свет, задергивали шторы. Мы делали так, когда жили в городе (несмотря на забор вокруг дома), и сохранили эту привычку на ферме (несмотря на отсутствие соседей и на то, что от шоссе до дома была чуть ли не сотня ярдов). Но, конечно, эти шторы не были полностью светонепроницаемыми. Но где, в таком случае, мог находиться звонивший, он же наблюдатель? На шоссе? Позвонить прямо из автомобиля в те годы было нельзя, а никаких телефонных будок поблизости не было. В одном из соседних домов? Но они стояли заброшенные, и телефонные линии там, очевидно, были отключены. Или же на самом деле их было двое, и наблюдатель докладывал звонившему по радио?

- Просто в такое время большинство людей дома, но еще не легли спать, - ответила мама.

- Да, - констатировал папа, - у всех дантистов, электриков и водопроводчиков рабочий день уже кончился.

Дзззыыыннннь!

- Может, все-таки выясним, что ему надо? - не выдержала мама.

И тут, наконец, настала тишина. Но не надолго. Едва мы вернулись к еде, телефон зазвонил вновь. На сей раз папа решительно встал и направился в соседнюю комнату. Мы слышали, как прервался трезвон, но не могли разобрать его слов. Уже минуту спустя он вернулся.

- Ошиблись номером, - сказал он.

- Два раза подряд? - не поверил я.

- Такое бывает, - невозмутимо ответил папа. - Иногда на АТС залипает контакт. Чтобы его сбросить, надо позвонить на новый номер.

Возможно, звонивший так и сделал, поскольку новые звонки нас не доставали. А возможно, он узнал то, что хотел. Например, папин голос.

Наверное, и папа подумал что-то подобное, несмотря на то, что изображал беспечность для меня и, главное, для Нелл. Но я заметил, как он обменялся взглядами с мамой, а после ужина, когда мы с сестрой пошли к себе наверх, я специально задержался на лестнице и через некоторое время услышал, как внизу скрипнула входная дверь. У нее был такой протяжный скрип, который трудно было с чем-то спутать; мама несколько раз говорила, что надо бы смазать петли, но папа отвечал с усмешкой, что эта дверь не хуже сторожевой собаки - если к нам в дом заберется вор, он не сможет сделать это незаметно. Сигнализацию, мол, умелый вор отключить может, а этот скрип - нет. И вот теперь, очевидно, кто-то из моих родителей - а может, даже они оба - вышли наружу, в холодный ночной мрак, на мили вокруг не рассеиваемый ни единым фонарем (на узком двухполосном шоссе никакого освещения не было, в заброшенных соседних

домах, понятно, тоже). Я подождал еще, не будет ли звука отъезжающей машины - хотя куда бы они могли поехать на ночь глядя? - но его не было. Что, в таком случае, было им делать на улице? Гулять перед сном туда-сюда по темной подъездной аллее, наслаждаясь сырым и промозглым осенним холодом? Доселе они, по крайней мере, не имели такой привычки. Достать что-то из сараев? Там не хранилось ничего полезного, и уж тем более ничего такого, что могло бы потребоваться прямо сейчас, не дожидаясь утра. Или мысль о том, что кто-то мог наблюдать из темноты за нашими окнами, крепко засела в папиной голове, и он отправился ее проверить?

Мне стало не по себе при мысли об этом - или этих? - ком-то, которые, возможно, тоже слышали скрип входной двери и видели силуэт отца в дверном проеме, сами при этом оставаясь неразличимыми в темноте. Но тут сверху донесся голос Нелл: "Джон, ну где ты там застрял?", и я вспомнил, что обещал ей подобрать мелодию к ее новому стихотворению - у меня это уже получалось весьма недурно; мы уже пели свои песни родителям, и даже (не посвящая их в эти планы, ибо догадывались, что им таковые не понравятся) мечтали когда-нибудь создать свою группу. Так что остаток вечера прошел за работой над песней, которую мы в итоге записали на катушечный магнитофон, и за всеми этими музыкальными упражнениями мы не слышали, как тот, кто уходил, вернулся. Надо сказать, родители не имели обыкновения заходить желать нам спокойной ночи, но положительной стороной этого было то, что и в постель нас никто не загонял. Не только в теперешнем Почти Взрослом возрасте, но и в прежние годы мы могли ложиться спать, когда хотели (ведь наутро нас не надо было будить в школу) - счастливая привилегия, доступная лишь очень немногим детям. Наутро, когда семья снова собралась в полном составе за завтраком, я не заметил особенной тревоги на лицах родителей - видимо, ночная инспекция не подтвердила подозрений. Хотя не знаю, что там можно было разглядеть в темноте.

Однако четыре дня спустя нашу привычную размеренную жизнь нарушило новое происшествие. На сей раз было позднее утро, одно из тех, когда на отца находило вдохновение насчет нашей учебы, так что мы с Нелл сидели и слушали урок истории в его изложении, про инквизицию и охоту на ведьм; сестре не очень нравилось слушать про пытки, но я успокаивающе держал ее за руку. И тут со стороны шоссе вдруг донеслось протяжное бибиканье машины. Мы находились на другой стороне дома и почти не услышали этот звук - во всяком случае, почти не обратили на него внимания - но пару минут спустя в комнату вошла мама и сообщила, что какой-то тип остановился напротив наших ворот и явно жаждет, чтобы мы пустили его внутрь.

- Он из полиции? - спросил папа.

- Не похоже. Во всяком случае, машина явно не полицейская.

- Тогда пусть убирается. Небось, очередной хренов коммивояжер.

- Дон, - поморщилась мама, - не выражайся при детях.

- Я сказал "хренов"[3], а не...

С улицы снова донесся настырный сигнал.

- Надо взглянуть, что это за такой упорный тип, - проворчал папа. - Джон, дай-ка мне свой бинокль.

Бинокль я - или, скорее, мы с Нелл, поскольку многие подарки у нас сразу же становились общими - получили от папы, чтобы наблюдать за звездным небом (ну и заодно, видимо, за окрестностями, чтобы у нас не возникало лишних искушений отправиться за пределы нашего участка - ибо в бинокль было хорошо видно, что ничего нового и интересного там нет). Бинокль не был куплен специально для нас - он был старый, с черным металлическим корпусом, покрытым как бы такими мелкими пупырышками, которые вытерлись до блеска в тех местах, где их чаще всего касались пальцы. Папа говорил, что пользовался им в своих поездках,

[3] В оригинале fricking - эвфемизм для fucking.

но теперь, когда мы поселились на ферме, он ему уже без надобности, так что пусть послужит нам учебным пособием по астрономии. Он давал 30-кратное увеличение, и в него можно было разглядеть не только множество кратеров на Луне, но и маленькую горошину Юпитера с четырьмя искорками спутников вокруг, и даже кольцо Сатурна - совсем крохотное, но все-таки различимое. Помню, как это зрелище впечатлило меня в первый раз - удивительно было осознавать, что я вижу своими глазами не картинку и не фотографию (пускай те были и во много раз больше и отчетливей), а самую настоящую другую планету, словно астронавт из фантастики.

Но в тот момент нас волновал вовсе не космос. Вооружившись биноклем, папа, а за ним и мы все, направились в комнату рядом с родительской спальней по другую сторону коридора, окна которой (мы находились на втором этаже) выходили как раз на главный фасад и откуда, соответственно, было видно шоссе и ведущую оттуда к дому подъездную аллею (въезд на которую всегда преграждали запертые ворота, но они были, по сути, символические, как чаще всего бывает на фермах - длинный прямоугольный треугольник из жердей, примотанный цепью с замком за острый угол к вертикальному столбику). Сейчас, как мы увидели в окно, по ту сторону этой загородки стоял коричневый автомобиль, марку которого трудно было определить с такого расстояния - ясно было лишь, что это двухдверное купе. Папа навел на него бинокль, а нам с Нелл велел держаться подальше от окна, чтобы нас нельзя было разглядеть снаружи. Но нам и из глубины комнаты было хорошо видно, как из машины выбрался ее водитель (больше там, кажется, никого не было). Повернувшись в сторону дома, он помахал рукой, а затем, снова не дождавшись никакой реакции, вдруг самым наглым образом поднырнул под косую жердь ворот в самом узком месте треугольника и торопливо зашагал в сторону дома. На полицейского он точно не походил - как и на пресловутого инспектора по делам несовершеннолетних. То есть не то чтобы я видел в своей жизни хоть одного, но просто, несмотря на всю наглость своего вторжения, он не походил на человека, облеченного властью. Это был какой-то полноватый суетливый коротышка, двигавшийся комической, чуть ли не припрыгивающей походкой; мне представилось, что он непременно должен быть плешив, хотя этого не было видно под шляпой, и что, дойдя до крыльца, он будет вытирать потное лицо платком, хотя на улице было совсем не жарко. Наверное, он напомнил мне персонажа какой-то комедии из тех, что мы смотрели всей семьей по телевизору.

Но папа вовсе не был настроен шутить и смеяться. Велев нам "не высовываться", он с самым разгневанным видом торопливо выбежал из комнаты. Мама приобняла нас с Нелл за плечи - ласково и успокаивающе, но в то же время не давая нам ни подойти к окну, ни последовать за отцом - но, когда он выскочил на крыльцо, коротышка еще не успел подойти к дому, так что весь диалог происходил в режиме перекрикивания, и, хотя нам уже не было видно его участников, мы хорошо их слышали.

- Какого дьявола вы здесь делаете? Это частная собственность!

- Прошу прощения, сэр! Я сигналил, но мне никто не открыл...

- И вы решили, что это дает вам право влезть в чужой дом?

- Я хотел только постучать в дверь, сэр! На тот случай, если вы не обратили внимания на сигналы...

- Вы понимаете, что, пролезая через запертые ворота на частную территорию, вы нарушаете закон? Убирайтесь, или я вас пристрелю!

Я думал, после слов про закон папа скажет "я вызову полицию", но он сказал "пристрелю".

- Я еще раз прошу прощения, сэр, но позвольте мне объясниться! На самом деле, у меня к вам выгодное предложение...

- Мы ничего не покупаем. Проваливайте!

- Нет-нет-нет, это я хочу купить у вас вещь, которая вам не нужна! Прошу вас, дайте мне всего одну минуту! Видите ли, я реставрирую старинные автомобили. А у вас на участке я

увидел "форд пикап" 1939 года, - пикап действительно все еще стоял там, хотя за последние 7 лет превратился, казалось, в одну сплошную ржавчину, бурый на бурой земле, и не так чтобы сильно бросался в глаза, если смотреть с дороги. Особенно если смотреть праздным взглядом человека, случайно проезжающего мимо, а не разглядывающего наш дом специально. - Он, очевидно, в очень плохом состоянии, - продолжал коротышка. - Настолько, что вы даже не берете на себя труд продать его на металлолом, полагая, вероятно, что транспортировка обойдется дороже. А я готов заплатить вам за него сто долларов наличными прямо сейчас и еще триста завтра, когда я подгоню трал.

По тем временам, четыре сотни долларов были довольно приличной суммой. На такие деньги можно было даже купить автомобиль на ходу - сильно не новый и нуждающийся в ремонте, но все-таки способный завестись и поехать, а не просто груду ржавчины. Но папа не вдохновился и вновь велел коротышке выметаться.

- Хорошо, сто долларов сейчас и четыреста завтра! - тут же предложил тот.

- Я сказал - пошел вон с моей земли! Мы ничего не покупаем и ничего не продаем!

- Хотя бы позвольте мне осмотреть машину вблизи. Возможно, издали я неверно оценил ее состояние и смогу предложить вам больше.

- Какая часть фразы "Уё.ывай отсюда!"[4] тебе непонятна?! - окончательно потерял терпение папа. - Считаю до трех, потом пеняй на себя!

- Ладно, ладно, как скажете. Хорошего дня... сэр.

Коротышка вновь показался в поле нашего зрения, семеня прочь к своей машине. После того, как он уехал, папа вернулся в дом. И в руке у него и в самом деле был пистолет! Я уставился на пушку расширенными глазами - до этого я вообще не знал, что у нас в доме есть оружие. Вокруг не было никаких лесов, где можно было бы охотиться - хотя понятно, что пистолеты предназначены не для охоты. Во всяком случае - не на оленей.

- Эксперт хренов, - ворчал папа под нос. - Во-первых, это не "форд", а "шевроле".

Да - косой крест "шевроле" все еще можно было различить на скругленном носу пикапа, но, конечно, не от самого шоссе.

- Он хотел посмотреть поближе, - напомнил я.

- Угу. Только не на машину.

- Возможно, тебе стоило быть с ним повежливее? - предположила мама.

- Зачем?

- Чтобы выяснить, что ему *на самом деле* от нас надо.

- А то ты не знаешь, - усмехнулся папа.

- Это был какой-то мошенник? - обеспокоенно спросила Нелл.

- Да, - папа повернулся к ней, натягивая на лицо улыбку, - скорее всего. Но ты не волнуйся, дочка. Папа и мама обо всем позаботятся.

Затем он проследил мой взгляд, все еще направленный на пистолет, и спросил: - Хочешь научиться стрелять, Джон? Думаю, тебе уже самое время. Оружие - это то, что делает мужчину мужчиной.

Разумеется, я хотел, и меня не надо было агитировать.

Так что ужасы инквизиции были забыты, и мы устроили стрельбище позади дома. Я быстро наловчился метко бить по консервным банкам, и мне даже понравилось то, необходимость чего многих, как я узнал потом, раздражает - разбирать, чистить и смазывать оружие после каждой стрельбы. А вот Нелл к этому занятию присоединиться не захотела. Не то чтобы она имела что-то против оружия в принципе, но ей вообще не нравилось возиться с железом[5]. Будь то хоть автомобильный мотор, хоть начинка радио или телевизора, в которых я к тому времени разбирался уже весьма неплохо (из своих поездок в город родители привозили

[4] В оригинале "Fuck out!"

[5] В оригинале hardware

мне, помимо книжек, свежие номера журнала для радиолюбителей - почему-то они предпочитали покупать его там, а не подписаться на почте - и, время от времени, радиодетали по моему заказу). Когда я смастерил радиоуправляемую машинку - частично по схемам и чертежам из журнала, частично опираясь на собственную смекалку - Нелл сочла, что это очень круто, но главным образом потому, что это сделал я, а вот играть с самой машинкой ей быстро наскучило - "ну ездит, ну поворачивает, и что?" Она даже гитару следом за мной осваивать не стала, сочтя, что стальные струны слишком больно впиваются в ее нежные пальчики. Зато она нарисовала шикарный мой портрет, где я, лихо щуря один глаз и по-ковбойски ухмыляясь, целюсь в невидимого за краем рисунка врага. Так что нет, наши вкусы и интересы совпадали не во всем - но нам это ничуть не мешало, они не противоречили, а дополняли друг друга.

После того, как я научился обращаться с пистолетом, папа отвел меня в их с мамой спальню (где мы с Нелл почти никогда не бывали, хотя ничего примечательного там не было - спальня и спальня) и открыл стенной шкаф. Над висевшей там одеждой была полка, а на полке стоял маленький кубический сейф с кодовым замком.

- По закону штата, - пояснил папа, - я имею право обучать ребенка стрелять под моим присмотром, но не должен оставлять оружие в таком месте, куда несовершеннолетние могут добраться без меня. Поэтому пистолет и патроны хранятся в этом сейфе, код которого я тебе не скажу. Но если вдруг что-нибудь случится, когда, допустим, нас с мамой не будет дома, будет только правильно, если ты сумеешь угадать этот код. Старые ослы вроде меня, - ему тогда еще не было пятидесяти, - вечно ленятся придумать код позаковыристее и используют что-то такое, что легко запомнить и трудно забыть. Кстати, ты ведь не забудешь свой день рожденья?

Я улыбнулся. Значит, 0731.

Несмотря на все эти меры, в следующие дни родители ездили в город только поодиночке, хотя прежде не опасались оставлять нас дома одних. Я, конечно, догадывался, что происходит что-то неправильное, но не мог понять, что именно. Да - я уже знал, что удочерение Нелл было незаконным, и мы должны прятать ее от социальных служб и заодно ото всех, кто может им настучать. Это объясняло опасения насчет дантиста. Но все, что было после - звонки невесть от кого, визит "любителя старых машин" - как-то совсем не походило на действия официальных лиц. Тогда кто же это? Нас преследуют настоящие родители Нелл? Но им-то с какой стати - они ведь получили свои деньги, да и было это десять лет назад, с чего бы им вдруг передумать именно сейчас? Или, может быть, все это вообще не имеет никакого отношения к Нелл? Возможно, когда родители занимались своим транспортным бизнесом, у них возник конфликт еще с какими-то заказчиками "нетипичных грузов"? Которые почему-то тоже ждали много лет, а теперь хотят... хотят что? Этот нелепый коротышка совсем не походил на киллера мафии, какими их изображают в фильмах. Хотя, с другой стороны, настоящий киллер, наверное, и не должен походить на киллера... Но все равно, как-то уж очень легко он убрался. Или - он сделал это только для вида, чтобы усыпить нашу бдительность?

Тем временем, погода тоже не радовала, зарядили нудные осенние дожди. Понятно, они шли не круглосуточно, но даже когда они прекращались, небо оставалось угрюмым и пасмурным, а земля там, где она не заросла сорной травой, превратилась в сплошную грязь. Я даже сочувствовал родителям, вынужденным покидать дом в такую погоду, хотя бы даже и на машине, в то время как мы с Нелл и носа не высовывали на улицу. Лишь в один из этих дней, точнее, вечеров, когда папы не было дома, а мама, кажется, хлопотала на кухне, перед закатом небо вдруг прояснилось, и Нелл оторвала меня от книжки возгласом: "Смотри, какая радуга! Двойная!"

Я без большой охоты уставился в окно, где был виден только кусок этой радуги (точнее, двух радуг, более тусклая вокруг более яркой) - но Нелл решительно потащила меня на улицу, чтобы полюбоваться зрелищем целиком. Мы отошли от дома так, чтобы он не загораживал радугу, а весь поместился под ней, как под аркой. Смотрелось это действительно красиво - небо

очистилось на западе, но все еще оставалось в тучах на востоке, и вот теперь ярко освещенный вечерним солнцем дом и две радуги так и сияли на темно-синем фоне позади них.

- Видишь - верхняя как отражение нижней, у нее цвета в обратном порядке, - сказала Нелл.

- Точно, - согласился я, удивляясь, как сам сразу же этого не заметил. Ну да, глаз художницы ловко подмечает детали. - Круто. Жаль, сфоткать не на что, - в доме был папин фотоаппарат, но, насколько я знал, не было цветной пленки.

- Я это нарисую, - заверила Нелл. - И тебя заодно. Ну-ка, встань на фоне дома, чтобы я запомнила композицию и цвета.

Я встал, улыбаясь ей и щурясь на солнце, все еще достаточно яркое. Но мне не дано было попозировать даже те несколько минут, которые оставляло нам его неумолимое движение, достаточно быстро гасящее любую радугу. Потому что из дома примчалась мама и сердито погнала нас назад, не слушая никаких "Мам, да ты посмотри, как красиво!" и "Мам, мы придем через пять минут!" Мы так и не поняли, что ее так рассердило - сама она твердила, что у нее из-за нас "подгорит ужин" (но зачем, в таком случае, она бросила готовку и побежала на улицу вместо того, чтобы просто покричать нам из окна?) и что мы "простудимся и заболеем, а ей потом нас лечить" (это правда, мы выскочили из дома, не тратя время на возню со шнурками и застежками, пока солнце не ушло, и теперь стояли в холодной мокрой траве босиком и в небрежно накинутых куртках - но мы не раз проделывали подобное и раньше и никогда не болели; однажды Нелл даже подбила меня пробежаться наперегонки босиком по снегу до ворот и обратно, и эта забава вполне сошла нам с рук что в медицинском, что в воспитательном смысле). В общем, мама отконвоировала нас в дом чуть ли не пинками, что было на нее совсем не похоже, и безапелляционно заявила, что мы наказаны и не должны теперь выходить из дома даже в обуви, пока нам не разрешат. Нелл расстроилась, не столько из-за самого наказания, совершенно пустякового - в такую погоду мы и так не рвались на улицу - сколько из-за его обидной несправедливости. Но я, утешая ее, смекнул про себя, что мама психанула не просто так. Что как-то это связано с тем, что в последнее время беспокоит ее и папу.

Почему-то я не решился расспрашивать родителей об этом. Наверное, из опасения, что они не скажут мне правду. А мне не хотелось почувствовать, что они все еще не считают меня достаточно взрослым, чтобы ее знать. Ведь если бы считали - уже рассказали бы, не так ли? Стрелять, значит, научили, а все рассказать, как равному - слабо́? Ну и, во мне взыграла оскорбленная гордость 14-летнего мальчишки. Не хотите - не надо, я сам вам докажу! Я сам защищу Нелл и всю нашу семью!

К тому же, на почве всего этого мне начали сниться плохие сны. Я плохо их помнил, но там было нечто, что сильно меня пугало - в чем я стыдился признаться даже Нелл, ну как же, взрослый парень, а боится каких-то снов. Она бы, конечно, сперва стала меня дразнить, а потом, когда поняла бы, что мне не до шуток - искренне жалеть и утешать, и вот это было бы хуже всего. Это же я - сильный, я - защитник, я должен утешать и оберегать мою любимую сестренку, а не наоборот!

В то время у нас уже были разные спальни (хотя и по соседству через стенку) - мама настояла, что мы уже слишком большие, чтобы спать в одной комнате, хотя мы по-прежнему не понимали, что в этом такого. Тем не менее, мы все равно проводили почти все время вместе - даже когда занимались разными делами и вроде бы никак не общались друг с другом (скажем, я паял, а она рисовала, или мы оба читали разные книжки), мы предпочитали делать это в одной комнате. Нам было просто приятно ощущать присутствие друг друга. Тогда, опять-таки, нам это казалось совершенно естественным, хотя теперь я понимаю, насколько уникальны были наши отношения. Про нас даже нельзя было сказать, экстраверты мы или интроверты (тогда я, понятно, еще не знал таких слов, в приключенческих книжках, которые родители привозили из города, такого как-то не писали). Будь мы экстравертами, мы бы страдали из-за отсутствия более

широкого круга общения. А если мы были интровертами (что, наверное, было все же ближе к истине), мы должны были периодически уставать друг от друга и выбирать полное одиночество. Наверное, мы были "интровертами с единственным исключением". Нелл вообще была убеждена, что между братьями и сестрами только так и должно быть, я, в отличие от нее, знал, что она не родная мне по крови, но для меня это не имело никакого значения - мои чувства к ней, безусловно, всегда были чисто братскими, без какого-либо намека на то, о чем (все еще непонятно для меня) беспокоилась мама (позже я читал, что так обычно и бывает у мальчика и девочки, растущих вместе, даже если они знают, что не родные). Теперь я даже могу сформулировать, что это ее беспокойство было верно с точностью до наоборот - не Нелл могла заинтересовать меня в половом смысле, а этот самый "смысл" был мне глубоко неинтересен, поскольку у меня уже было гораздо большее, та чистая и ясная близость, которую он в принципе не способен дать (а способен, на самом деле, только испачкать и испортить). Время от времени меня, конечно, посещала мысль, что, наверное, рано или поздно мне придется жениться на какой-нибудь посторонней девушке, потому что "все так делают", но эта мысль вызывала у меня не сладостное предвкушение (или как там это называют в книжках), а досаду. Зачем мне эта чужая девушка, зачем мне выстраивать отношения с ней с нуля, если результатом всего этого будет только то, что мы с Нелл уже не будем жить вместе? Уже самим фактом, что она уведет меня от Нелл, эта неведомая девушка была мне заранее неприятна - как, разумеется, и тот неведомый парень, что уведет Нелл от меня. Почему бы этим двоим чужакам не утешиться друг с другом и не оставить нас с сестрой в покое?

При этом нельзя даже сказать, что мы обожали друг друга. Это было не осознаваемое чувство - это было естественное состояние. Обожаешь ли ты собственную руку или ногу? Ты просто не мыслишь своего существования без нее, только и всего. И, конечно, ни в коем случае не хочешь сделать ей больно.

Так что, несмотря на мамино беспокойство, периодически мы, заболтавшись до глубокой ночи, так и засыпали рядом прямо в процессе разговора - уже даже не в соседних кроватях, ибо теперь в спальне у каждого из нас была лишь одна, а или на этой одной, хоть она и была слишком узкой для двоих, или, в летнее тепло, прямо на полу на ковре - а потом, когда нас будило утреннее солнце, один из нас вскакивал и бежал на цыпочках в свою спальню, чтобы занять "законное" место в своей кровати прежде, чем мама придет звать нас завтракать.

Однако в ту ночь - это было через пару дней после истории с радугой - мы спали каждый в своей комнате. Как я уже сказал, я не хотел разбудить Нелл, проснувшись с криком посреди ночи. А я действительно вскочил на кровати в темноте с бешено колотящимся сердцем. Не могу уже сказать, что меня разбудило. Возможно, это был плохой сон, а возможно - какой-то реальный звук, которого не должно было быть глухой ночью. А может, и то, и другое разом.

Не знаю, сколько было времени - часов со светящимися цифрами в комнате не было. Наверное, два или три пополуночи. Некоторое время я сидел на кровати в абсолютной темноте и прислушивался, но ничего больше не услышал. Затем подошел к окну, выходившему на противоположную от шоссе сторону, и раздернул шторы, но сильно светлее не стало. За окном был лишь мрак безлунной ночи, какой бывает только вдали от человеческих поселений, где ни вблизи, ни хотя бы в отдалении нет ни единого огня. Только редкие точки звезд вверху (в последние дни небо прояснялось к ночи и вновь затягивалось тучами с утра) И у меня - вероятно, все еще спросонья - возникло ощущение, что в этой темноте кто-то подкрадывается к нашему дому. Не там, куда я смотрел - не по заброшенным полям, простиравшимся позади здания. Откуда-то с другой стороны. Скорее всего - со стороны одной из боковых стен, наиболее вероятно - левой, поскольку туда вовсе не выходило окон. К тому же с боков еще можно было и дополнительно прятаться за сараями, стоявшими слева и справа от дома.

Я решил вылезти на крышу с биноклем и осмотреть все вокруг, в надежде, что света звезд мне все-таки хватит, чтобы заметить крадущегося врага. Попасть на крышу можно было

через окно на чердаке, но нам с Нелл было запрещено лазить туда даже днем, из опасения, что мы сорвемся и свалимся. Хотя вместе с папой мы туда пару раз лазили, когда нужно было заделать протечки - он избегал вызывать ремонтников, если можно было справиться своими силами. Но только вместе, а без него - ни-ни. И уж тем более не в такую темную ночь, когда легко оступиться и упасть даже на ровной земле.

Но, естественно, я наплевал на запрет. Да и какие у меня были альтернативы - бежать в спальню к родителям и жаловаться, что мне что-то почудилось во сне, как маленькому ребенку? Так что я, не зажигая света, наскоро натянул одежду (но не обувь, несмотря на холод снаружи) и беззвучно выскользнул в коридор, а оттуда - на лестницу на чердак и, в итоге, через чердачное окно на воздух. Скаты крыши были крутыми, образуя достаточно места для чердака под ними, но, повесив бинокль на шею и цепляясь пальцами рук и ног, я полез наверх, пока не уселся верхом на конек, чтобы оттуда вести свои наблюдения. И, едва я устроился, глядя в левую от фасада сторону, мне показалось, что я различил вдали, за пределами нашего участка, слабый отсвет во мраке - что-то вроде нескольких тусклых черточек. Они тут же пропали, но я быстро навел бинокль и через несколько секунд увидел их вновь. Это был свет, пробивавшийся между досками одного из заколоченных окон соседнего заброшенного дома. Он был слабым и непостоянным - не как свет от включенной внутри лампы (впрочем, там, очевидно, и не могло быть электричества), но и не как колеблющийся свет пламени, например, камина или факела. Скорее это был луч фонаря, которым водили по сторонам. Затем он погас и больше не появлялся.

Я ждал, всматриваясь в темноту - особенно внимательно я следил в бинокль за входом в заброшенный дом, ожидая, что оттуда кто-нибудь покажется - но больше ничего не происходило. Я не знал, что мне делать. Формально события на соседней ферме нас не касались, коль скоро никто оттуда не пытался пролезть к нам. Но кто мог это быть, если дом заброшен и необитаем уже много лет? Новый покупатель, осматривающий свежеприобретенную недвижимость и оценивающий масштабы предстоящего ремонта? В три часа ночи, ага. Скорее, какой-нибудь бездомный бродяга... Но моему возбужденному воображению рисовалась, конечно же, иная картина - это и есть неведомые враги, преследующие нас, и они устроили базу на соседней ферме, откуда так удобно наблюдать за нашим домом! Я даже обвел биноклем чернеющую во мраке крышу развалюхи, проверяя, не сидит ли там кто-то точно так же, как это делаю я - но нет, я никого не увидел.

Пойти рассказать родителям о том, что я видел? А если они скажут, что мне показалось - тем паче что огня больше не видно - и я лишь получу крепкий нагоняй за то, что лазил на крышу, да еще ночью? Отправиться на разведку на соседний участок самому? Эта идея нравилась мне больше, но при всем моем 14-летнем героизме я все-таки понимал, что отправляться в логово неведомого врага без оружия - не очень хорошая идея. Вот бы добыть пистолет, но он в родительской спальне... И тут мне в голову пришел совсем уже авантюрный план который, однако, в тот момент показался исключительно разумным: прокрасться в спальню к родителям и, если они проснутся, рассказать им о том, что я видел, сделав вид, что я пришел именно за этим, а если спят достаточно крепко, вытащить пистолет из сейфа и отправиться на разведку. И если эта разведка принесет результаты, после которых уже не получится незаметно положить пистолет обратно - ну, победителей не судят. Что до скрипучей входной двери, которая могла бы разбудить их, то я решил, что выберусь из дома и влезу потом обратно через окно первого этажа, которое, понятно, на время своей экспедиции оставлю открытым (что нарушало еще один запрет, ну да, как говорится, двум смертям не бывать).

Я ужом проскользнул обратно на чердак, а оттуда - на второй этаж к двери родительской спальни. В последний миг я задумался, что я буду делать, если дверь окажется заперта изнутри - стучать, рискуя, что мне не поверят и только накажут за крышу, или все же предпринять самостоятельную героическую вылазку, пусть даже и без оружия (что только делало ее еще

более героической)? Я бы, вероятно, все же выбрал второе, но делать этот выбор мне не пришлось. - ручка двери плавно повернулась под моими осторожными пальцами. Я отворил дверь совершенно беззвучно и шагнул внутрь. В кармане у меня лежал фонарик с регулировкой яркости, и я надеялся, выставив ее на самый минимум, открыть сейф, не разбудив родителей.

Но моим отважным планам не суждено было осуществиться. Хотя у этой двери, в отличие от входной, петли были смазаны идеально, и ни одна половица не скрипнула под моей босой ногой - не успел я сделать и шага внутрь, как из темноты раздался голос мамы:

- Ну что там?

Она не выглядела, ну то есть не звучала, удивленной или рассерженной, скорее - нетерпеливо ожидающей, словно ей все уже было известно о моей вылазке на крышу. В первый миг я именно так и подумал - "должно быть, я все же ходил по чердаку у них над головами недостаточно тихо" - и потому растерянно ответил:

- Там... свет в окне.

- А, это ты, Джон. Какой свет? Что ты здесь вообще делаешь?

- Я видел свет в окне соседнего дома. Того, что слева от нас, - я даже машинально махнул рукой, хотя в темноте она не могла видеть.

- Тебе, наверное, приснилось. Не может там быть никакого света, - ну да, ну да, все, как я и ожидал! - Тот дом вообще от нас не видно. Ты что - выходил на улицу?

- Эээ... нет, - счастье, что в темноте она не видела на мне уличной одежды. Наше "наказание" все еще действовало - к разочарованию Нелл, папа после своего возвращения только одобрил мамино решение - так что улица оставалась столь же запретной, как и крыша.

- И почему ты не постучал? Тебя что, не учили, что входить к нам в спальню можно только после того, как постучишь и получишь разрешение?

- Я... должно быть, не сообразил спросонья. Извини, мам. Мне в последнее время и правда снится всякая херня[6].

- Не выражайся. Это очень грубое слово. Надо говорить "чепуха" или "глупость".

- Прости, мам. Просто эта глупость меня напугала.

- Возвращайся в кровать. Все в порядке, беспокоиться не о чем.

- Да, мам.

Я попятился, притворяя за собой дверь, и демонстративно громко зашлепал по полу в сторону своей спальни. Но это вовсе не было позорное бегство, вызванное страхом наказания! За время этого короткого разговора в кромешной темноте я успел кое-что сообразить. Папа так и не подал голоса за все время - а уж он-то должен был отчитать меня за вторжение без стука построже мамы! - и первая мамина реплика была адресована вовсе не мне. Потом она поняла свою ошибку и сказала "А, это ты, Джон." Все это могло означать только одно - папы вообще не было в комнате, и он вышел вовсе не в туалет или выпить воды. Мама ждала его возвращения с новостями. Он увидел этот свет еще раньше меня и ушел на разведку сам. Так что в моем героизме уже не было нужды - что, признаюсь, вызвало у меня чувства одновременно разочарования и облегчения. Папа со всем разберется, и уж он-то взял с собой пистолет! Кстати, не был ли тот звук, который разбудил меня, скрипом входной двери, когда он выходил? Однако, чем сильнее я старался вспомнить, тем больше мне казалось, что это скорее походило на крик. Далекий крик мучительной боли, вырвавшийся на короткий миг и тут же снова захлебнувшийся. Впрочем, это так тесно переплеталось с сюжетом сна, что я не мог сказать, сон был порожден криком или же наоборот. Но у меня закралось и опасение - а почему я так уверен, что папа справится с любым врагом? А что, если его...

Я вошел в свою комнату и слегка хлопнул дверью - негромко, чтобы не разбудить Нелл, но в то же время достаточно отчетливо, чтобы этот звук услышала мама, если она хотела

---

[6] В оригинале bullshit

убедиться, что я вернулся к себе (а она, кажется, хотела). Однако в кровать я, конечно же, не лег, а застыл возле двери, прижавшись к ней ухом. Мне надо было знать, чем закончится папина экспедиция.

Через некоторое время я услышал знакомый скрип внизу, а затем тяжелые шаги, поднимающиеся по лестнице. Меня вдруг снова окатило ледяной волной страха - а не слишком ли они тяжелые? Что, если это вовсе не папа? Впрочем, говорил я себе, мама ведь не спит, и она настороже... но ведь она уже приняла за папу меня, не допустит ли она такую же ошибку во второй раз? А если и нет - чем она будет защищаться, если папа унес пистолет? И что буду делать я, если тот, кто уже поднялся на второй этаж, направится даже не в родительскую спальню, а прямиком ко мне или, хуже того, к Нелл? Не надо ли было разбудить сестру и спрятаться с ней вдвоем в одной из пустующих комнат или, еще лучше, на чердаке? Но уже слишком поздно...

Однако шаги не добрались до наших дверей. Они смолкли у двери родителей, и я услышал, как она негромко щелкнула, запираемая на замок. Никаких страшных звуков, типа криков или стрельбы, за этим не последовало, так что, видимо, это был все же папа. Но мне по-прежнему важно было узнать, с чем именно он вернулся, так что, еще немного выждав для верности, я вновь крадучись выбрался в коридор и на цыпочках подбежал к двери родительской спальни, сжимая в кулаке отвертку.

Я научился этому простому трюку из журнала. Мало у кого дома есть стетоскоп (у нас уж точно не было), но, когда надо прослушать не мягкое человеческое тело, а что-то твердое, обычная отвертка - очень неплохая ему замена. Пластмассовую рукоятку вставляешь в ухо, а металлическое жало прижимаешь к прослушиваемой поверхности. Многие механики и электрики пользуются этим приемом, чтобы определить, какая часть устройства гудит, стучит или дребезжит, и как именно. Конечно, надо следить, чтобы ничего не коротнуть и не попасть в движущиеся детали (и не только отверткой, но и, к примеру, волосами, когда подносишь ухо близко к работающему механизму), но мне это в любом случае не грозило. Я прижал стальной кончик к двери возле ручки, где металлическая накладка резонирует лучше всего, и стал слушать.

- ... его нанял? - это спрашивала мама.

- Не знаю. Он, похоже, и сам не знал, - ответил папа.

- Или ты плохо спрашивал.

- А то ты не знаешь, как хорошо я умею спрашивать. Но сукин сын очень осторожен. Они ни разу не встречались лично. Все общение шло по почте. Деньги в одну сторону, отчеты в другую.

- Надо было получить от шпика отчет, что он ничего не нашел и уезжает, и вообще рвет контракт, типа ему предложили лучшие условия за другую работу.

- Думаешь, я не подумал об этом? Слишком рискованно. Шпик наверняка ввернул бы какую-нибудь закорючку, чтобы показать, что писал не по своей воле. А мы не видели предыдущих отчетов и не можем сравнивать.

- И платили ему, конечно, не чеками.

- Да, присылали наличные прямо в конвертах.

- А адрес, понятно, фэйковый.

- Мы, конечно, проверим, но наверняка там переадресация.

- Не очень-то оперативно, если гонять все почтой, да еще туда-сюда.

- В экстренных случаях шпик мог звонить. Но никогда не слышал голоса заказчика. Просто диктовал сообщение, на другом конце, похоже, автоответчик.

- Но мы выясним, где стоит этот телефон.

- Выясним. Но точно не у него дома. Какая-нибудь развалюха, где вообще никто не живет.

- Но он должен наведываться в эту развалюху, чтобы прослушать записи.

- Вероятно, он как-то решил эту проблему. Возможно, он может прослушивать сообщения на автоответчике, если позвонит на тот же номер и потом введет код тоновым набором. Вроде бы уже появились офисные телефоны, которые такое умеют. А может, и просто нанял парня, который периодически забирает оттуда кассету и кидает ему в почтовый ящик - это бы нам, конечно, было куда удобнее. В любом случае, надо проверить.

- Ладно, самый важный вопрос. Шпик успел доложить про девочку?

Пауза.

- Видимо, да.

- Видимо?

- Он до самого конца отрицал, что успел что-либо разнюхать, видимо, надеясь, что это может его спасти. Но судя по тому, сколько он там просидел - он видел, как Нелл выходила из дома. Если только не отвлекся именно в это время, но на это лучше не закладываться. Как только ты умудрилась ее выпустить?

- Я не думала, что они пойдут на улицу в такую погоду.

- Надо было просто запретить им выходить, и все! Мне даже в голову не приходило, что ты не сделала этого с самого начала.

- Под каким предлогом?

- Да какая разница! Нельзя, и всё! Родители мы или кто?

- Ну... видишь ли, в детстве меня дико бесило, когда родители говорили мне "нельзя, и всё!", ничего не объясняя. Видимо, у меня из-за этого сформировался комплекс на всю жизнь... Ну ладно, я виновата, что не подумала, а ты - что подумал, что я подумала. Сейчас важно, что делать дальше. Какие шансы, что мы все же успеем перехватить сообщение? Если по почте оно идет с пересылками, а по телефону этот тип еще должен добраться до автоответчика.

- Не знаю. В воскресенье почта не работала. Может, шанс и есть. Надо пробовать. Туда и туда мы, скорее всего, не успеем. Придется поодиночке. Ты бери на себя почту, я телефон.

- Придется оставить детей одних.

- Джон уже почти взрослый. И умеет стрелять.

- Кстати, он приходил ко мне, пока тебя не было. Он что-то заметил. Я убедила его, что это был просто сон.

- Думаешь, он поверил? - с сомнением произнес папа. - Он сообразительный парень. И ему уже не семь лет.

Я понял, что сейчас последует, и рванул к своей двери так быстро, как мог. Мое сердце бешено билось, когда я проскользнул в свою спальню и юркнул под одеяло прямо в одежде. Интуиция меня не подвела - всего через несколько секунд дверь приоткрылась. Я лежал носом к стенке с закрытыми глазами, старательно изображая спящего.

- Спишь, Джон? - негромко спросил папин голос и после паузы добавил: - Или притворяешься?

Я лежал, не двигаясь и не издавая звуков (кажется, я даже невольно затаил дыхание, чего вообще-то, изображая спящего, делать не следовало). Он мог разоблачить меня, просто подойдя и сдернув одеяло, но ведь он сам сказал, что я почти взрослый, а со взрослыми так не поступают?

- Думаю, что притворяешься, - сказал папа спокойно. - Ладно, можешь расслабиться. Все в порядке, - он чуть помолчал и продолжил: - Завтра, то есть уже сегодня, нам с мамой придется кое-куда съездить. А ты останешься защищать Нелл. Возможно, нас не будет несколько дней, но ты не беспокойся, продуктов вам хватит. Главное, помни, ни один чужак не должен совать сюда нос. Это частная собственность. Даже шериф не вправе заходить сюда без ордера. И, - его голос внезапно стал гневным, - вот такого чтоб не было!

Я сжался под одеялом, услышав, как затопали его тяжелые шаги за моей спиной, но он прошел мимо кровати к окну, и я услышал звук задергиваемых занавесок.

- Шторы всегда должны быть закрыты, сколько тебя учить?!

Да не надо меня много учить, я не тупой! И всегда я их вечером задергивал. Просто, когда я проснулся среди ночи не то от кошмара, не то от звука снаружи, и высматривал в окно подкрадывающихся врагов, а потом полез на крышу, то забыл задернуть занавески снова.

- Никто чужой не должен видеть Нелл и вообще догадываться о ее существовании, - продолжал папа строго, но уже без гнева, а как равный - равному. - Ни полиция, ни кто-либо еще. Ты понимаешь, как это важно, Джон?

- Да, папа, - решился все же подать голос я.

- Ну вот и хорошо, - в его голосе прозвучала довольная усмешка. - Так что не выходите из дома, пока мы не вернемся, и в особенности не давай выходить сестре. Придумай что хочешь, что это игра такая, пари с ней заключи, скажи, что дал мне клятву, которую нарушить не можешь, но только не выпускай ее! Мы с мамой скоро со всем разберемся, и тогда снова можно будет гулять по всей ферме, но пока, как говорится, лучше перебдеть[7]. Кстати, что ты там видел сегодня ночью? Расскажи мне без утайки, я не буду тебя наказывать, даже если ты что и нарушил.

Я рассказал ему, как лазил на крышу, но, конечно, промолчал, что подслушивал под дверью.

- Что ж, - подвел итог папа, - раз обещал не наказывать, то не буду, но больше так не делай. Нам с мамой совсем неохота отскребать тебя с земли после падения с крыши, и уж тем более это неохота Нелл, о ней ты подумал?

Я хотел ответить, что именно о ней я и думал, но отец уже продолжал:

- А в соседний дом, должно быть, и впрямь забрался какой-то бомж[8]. Утром я позвоню шерифу и скажу, чтоб выставил его оттуда, а лучше арестовал за незаконное проникновение. Даже у заброшенной недвижимости все равно есть владелец. А нам здесь никакие чужаки не нужны, бомжи они или не бомжи, верно, сын?

- Да, папа.

- Вот и хорошо. А теперь спи.

Однако наутро звонить шерифу не пришлось. Еще до рассвета нас разбудил запах гари и сирена пожарной машины. Соседний дом - тот самый, который слева - полыхал. Как это часто бывает в сельской глуши, пожарные прибыли слишком поздно (не знаю, кто их вообще вызвал, во всяком случае, это точно не был кто-то из нас - я потом обнаружил, что наш телефон вообще больше не работает), так что в итоге деревянный дом выгорел дотла. Нам огонь угрожать не мог - слишком далеко, но едкий запах дыма и гари чувствовался в воздухе еще довольно долго, так что мы сидели с плотно закрытыми окнами. Папа с мамой даже отложили свой отъезд - впрочем, не из-за запаха. Папа сказал, что, возможно, полиция захочет задать нам пару вопросов, как соседям, и лучше уж покончить с этим сразу. И действительно, уже после отъезда пожарных к нашим воротам подъехала машина шерифа. Говорили с ним, конечно, родители, и в дом он не заходил, но папа потом пересказал нам с Нелл содержание беседы. Шериф спрашивал, не видели ли они кого-нибудь на соседнем участке. "Нет, шериф. Вы, наверно, знаете, там уже много лет никто не живет. Трудно, конечно, понять, что могло вызвать там пожар. Вы подозреваете, что это был поджог?" - "Да нет, едва ли. Просто на пепелище нашли человеческие кости. По ним уже мало что можно сказать, но, скорее всего, какой-то бродяга залез в заброшенный дом и развел огонь в печи, желая согреться. Ну и уснул возле огонька." - "Интересно, почему он не выскочил оттуда, когда начался пожар?" - "Да это дело обычное. Эту печь никто не чистил уже много лет, вот он и травануся угарным газом. Когда там вспыхнула сажа в трубе или уголек выпал на пол, он, видимо, был уже без сознания или мертв. Такое случается чаще, чем думают, вы, вообще-то, сами будьте осторожнее с этими печками." - "Нет-нет, шериф, мы понимаем. У нас стоят

[7] В оригинале better safe than sorry

[8] В оригинале hobo

детекторы угарного газа, я сам лично устанавливал, когда мы сюда переехали, и проверяю их периодически. Спасибо за заботу."

Потом родители уехали, впервые оставив нас одних не до вечера, а на несколько дней, словно в те времена, когда мы еще жили в городе. Но тогда они оставляли нас с бабушкой, а вот теперь - по-настоящему одних. Надо сказать, после переезда и продажи большого грузовика они прикупили по дешевке старый пикап - не такой, конечно, древний, как тот, что ржавел под окнами, он был вполне на ходу - но ездили на нем редко, поскольку он жрал много топлива. Только когда нужно было привезти что-то по-настоящему большое - скажем, доски для ремонта или мешки с углем для печи. Обычно же родители, даже отправляясь в город за покупками вдвоем, брали наш старый семейный "универсал"[9], на котором мы приехали из прежнего дома. Но вот теперь они уехали сразу на двух машинах - мама на "универсале", папа на пикапе. Перед уходом папа снова спросил, помню ли я свой день рожденья, и подмигнул. Я понял, что пистолет он оставил мне! Это наполняло меня гордостью, но и, прямо скажем, тревогой. Не за себя, конечно же - за Нелл. Из подслушанного разговора я еще лучше, чем из отцовских наставлений, адресованных мне, понял, что угроза для нее вполне реальна. У нас есть серьезные враги, точнее, главный враг, которого папа называл "осторожный сукин сын" и за которым, похоже, родители отправились, чтобы решить проблему с ним (я предпочитал не задумываться, как именно - возможно, с помощью денег или угроз, раз уж пистолет папа оставил дома?) Но сукин сын может подсылать своих подручных, неких шпиков - и, возможно, бомж, сгоревший вместе с соседней фермой, как раз и был таким шпиком. Мне было его ничуть не жалко, ведь он был врагом Нелл (а вот Нелл вздохнула - "Вот бедняга!", но ведь она не знала, кем он был на самом деле!), и мне было даже не особенно важно, действительно ли он умер от угарного газа - но что, если у сукина сына есть и другие шпики? И удастся ли мне справляться с ними в одиночку, пока папа и мама решают главную проблему? Ведь я даже в крайнем случае не должен обращаться в полицию, как прозрачно намекнул мне папа - а позже, подняв телефонную трубку и не услышав гудка, я убедился, что и не могу это сделать. Да еще, при всем при этом, Нелл ничего не должна была знать или подозревать - я по-прежнему совершенно не хотел пугать и расстраивать ее. Но я - сильный, я - взрослый, я - мужчина, я мечтал это доказать - и вот, пожалуйста, моя возможности сделать это!

Первые сутки, однако, прошли без каких-либо тревог. Понятно, что мамин запрет спать в одной комнате был нивелирован немедленно, так что я сразу предложил Нелл перетащить вторую кровать, чтобы не ютиться вместе в узкой одной - "выбирай, в твою комнату или в мою?" Но Нелл огорошила меня встречным предложением - "А давай спать в комнате родителей! Там кровать большая, и тащить ничего не надо." - "Но... так же нельзя!" - опешил я. "Почему? Кому от этого будет плохо? Мы не будем трогать их вещи. Мы даже не будем прыгать на кровати, - несколько древних кроватей, оставшихся от старых жильцов, мы такими прыжками уже доломали. - Просто будем там спать." Я подумал, что из комнаты, выходящей окнами на фасад и шоссе, будет удобно наблюдать за подходами к дому, и к тому же пистолет в сейфе будет под рукой (доставать его раньше времени и всюду таскать с собой на глазах у Нелл я все же не хотел) - и согласился.

Родительская спальня была удобна еще и тем, что там стоял свой телевизор, который можно было смотреть прямо с кровати - в наших спальнях такой роскоши не было, мы смотрели общий телевизор, который стоял в гостиной на первом этаже. Мы посмотрели какую-то комедию, потом передачу о животных, из которой впервые узнали о существовании сурикатов (Нелл сочла, что они прикольные, и решила нарисовать про них целый комикс), в потом, переключая каналы (дело шло уже к полуночи), наткнулись на фильм, где мужчина и женщина мерзко сосались друг с другом, и это было так противно, что мы сразу выключили, не имея ни

[9] В оригинале station wagon

малейшего желания смотреть, что они будут делать дальше. Нелл сказала, что если это и есть те фильмы, которые взрослые не показывают детям, то они - дураки, ибо кто же в здравом уме захочет на такое смотреть? Я ответил, что они - дураки, если делают такое сами. "Ну, надеюсь, хотя бы наши папа и мама не такие!" - сказала Нелл, и я согласился, но без большой уверенности.

Больше в тот вечер мы никаких открытий не сделали, шариться в родительских вещах и в самом деле не пытались (и из опасения, что это потом заметят, и потому, что это все-таки нехорошо - а я пожалуй что и боялся наткнуться на что-то такое, что не понравилось бы Нелл), и ночью нас никто не тревожил. Кошмары мне не снились, но я, верный своему долгу защитника, несколько раз просыпался и даже подходил к окну - однако снаружи никого не было.

А вот на следующую ночь все изменилось.

На сей раз у меня тоже не было плохих снов - не иначе, присутствие рядом мирно посапывающей Нелл действовало на меня благотворно - но я спал очень чутко. И что-то меня разбудило - скорее всего, это был звук подъехавшей машины. Дом стоял далеко от шоссе, и обычно мы не слышали нечасто проезжающих машин (исключая разве что большие тяжелые грузовики) - или, по крайней мере, не обращали на них внимания. Но в абсолютной тишине глубокой ночи, где, по осеннему времени, не стрекотали даже никакие сверчки, этот звук все же донесся до меня даже сквозь стекло и сквозь сон. Но главное, что это не был обычный звук машины, проезжающей мимо. Он резко оборвался, говоря, что она остановилась.

Моей первой мыслью было, что вернулись родители, а первыми чувствами - сперва облегчение, а потом - страх, что нам с сестрой надо срочно драпать из их спальни. Но, метнувшись к окну и выглянув между занавесками, я не увидел никакого света фар - ни на подъездной аллее, ни за воротами. Машины я тоже не увидел, сколько ни вглядывался, водя туда-сюда биноклем. Очевидно, если она действительно была и не приснилась мне, то она остановилась не напротив дома, а не доезжая до него с той или другой стороны, так, чтобы ее не было видно из окон. И, поскольку наш дом был единственным обитаемым на пару миль, ни один водитель, не желавший нам ничего плохого, так бы вести себя не стал. Ну, если только его остановка не была вызвана внезапной технической проблемой, но на это я решил не закладываться.

Первым делом я достал из сейфа пистолет (возиться в темноте с кодовым замком не пришлось - я открыл его заранее, сразу после отъезда родителей, чтобы в случае чего не терять на это время). Затем, не будя Нелл, как мог быстро сбегал в свою комнату, где натянул черные брюки, черный свитер и ботинки (свитер я надел в темноте задом наперед, ну да какая разница). Пистолет я заткнул за пояс и прикрыл сверху свитером. Затем быстро прошел в пустую комнату рядом с родительской спальней и встал с биноклем у окна уже там.

И увидел слабый голубоватый отсвет снаружи за воротами. Я не сразу понял, что это такое, а потом сообразил - свет фонарика пробивался сквозь стенку мусорного бака.

Несмотря на всю нашу уединенную жизнь, мы не были отрезаны от цивилизации, и мусор выбрасывали не на какую-нибудь стихийную свалку на задворках. Дважды в неделю по шоссе мимо нашего дома проезжал мусоровоз, и, соответственно, накануне вечером надо было оттащить туда мусорные баки, а утром забрать их обратно к дому. Не очень удобно, учитывая длину подъездной аллеи, но и не так уж трудно - они были на колесиках. Обычно этим занимался папа, видимо, не желая, чтобы я лишний раз подходил к шоссе, хотя, в отличие от Нелл, мое существование и не было тайной от местных властей. Но в этот раз родителей дома не было, а мусоровоз должен был приехать утром, так что вечером я выволок два бака на обочину, не забыв, конечно, снова запереть замок на воротах. И вот теперь, похоже, кто-то шарился в нашем мусоре. Я не очень понимал, зачем кому-то это могло понадобиться. Я, конечно, слышал про бомжей, способных опуститься настолько низко, чтобы рыться в мусорных баках - это была участь, которой пугали нас родители, если мы не проявляли должного прилежания в учебе - но у

бомжей обычно нет машин. Тем паче, если один прислужник нашего врага уже прикидывался бомжом, ничего удивительного, если так делает и второй (ничему не учатся, ага). Но что он хочет сделать? Подложить в мусорный бак бомбу, чтобы она взорвалась, когда я откачу бак обратно к дому? Но так он скорее взорвет мусоровоз, а не нас... Ладно, надо не гадать, а действовать! Я поймаю этого типа и заставлю его во всем признаться!

Я выбрался из дома через окно с задней стороны, чтобы он не услышал и не увидел меня, а затем побежал по дуге по мягкой земле, где моих шагов было почти не слышно даже в ботинках. Я выскочил к шоссе на изрядном расстоянии от ворот и, держась за столбик ограды, перелез через колючую проволоку - это не так трудно, такая ограда больше помогает от скотины, чем от людей. Правда, уже слезая, я зацепился и порвал рукав свитера, но это было, опять-таки, неважно. Важно было то, что мне действительно удалось застать этого типа врасплох! Я подобрался к нему сзади, когда он увлеченно ковырялся в недрах мусорного бака. Света, исходившего наружу от его фонаря внутри, было очень мало, так что я мог различить лишь силуэт какого-то невысокого худого парня в джинсах, короткой, до пояса, куртке и бейсболке, из отверстия на затылке которой выбивались собранные в хвост длинные волосы. Я вытащил из-за пояса пистолет.

- Какого дьявола вы здесь делаете? - рявкнул я, копируя папину интонацию - Это частная собственность!

Он резко дернулся, затем медленно выпрямился и столь же медленно обернулся. Луч фонаря ослепил меня, и я невольно прикрыл левой рукой глаза, слепо вытягивая вперед правую с пистолетом. Наверное, в этот момент у меня можно было легко выбить оружие, но он не попытался это сделать.

- Уже нет, - услышал я хриплый, но все же слишком высокий для мужчины голос. - Ваша территория кончается за этими воротами. Как только мусор вынесен за ее пределы, он перестает быть вашей собственностью, - луч фонаря скользнул вниз с моего лица на руку с оружием. - Пистолет настоящий?

- Еще какой настоящий! - на этой фразе мой голос позорно дал петуха, и, компенсируя это, я грозно тряхнул оружием и крикнул, вновь подражая голосу папы: - Считаю до трех! - правда, выдвинуть какое-либо требование я позабыл.

- Тогда лучше убери, - спокойно ответила она. - Ты же не хочешь в тюрьму.

- Меня не посадят! Мне еще нет четырнадцати! - сблефовал я.

- Во-первых, есть. Исполнилось еще в июле. А во-вторых, коррекционная школа - та же тюрьма, только называется по-другому. И домашнему мальчику, никогда прежде не имевшему дела со шпаной, там будет очень плохо. А я не нарушаю никакой закон, так что сослаться на самооборону не получится, и вообще я не хочу тебе вреда. Правда не хочу. Давай просто поговорим, только сначала убери оружие.

Она направила луч снизу вверх на свое лицо, словно пытаясь убедить меня в своей безвредности, и я, наконец, смог ее разглядеть. Не девушка (как я на какой-то миг подумал) - тетка лет, наверное, сорока (во всяком случае, так мне показалось), хотя и с худощавой крепкой фигурой. Лицо тоже худое, костистое, почти изможденное - но не так, как бывает от голода или болезни. Скорее - иссушенное некой страстью, подчинившей себе все. Ни в малейшей степени не мужеподобное, но еще меньше его можно было назвать женственным. Никаких следов косметики, бледные сухие губы, глубоко запавшие глаза, почти невидимые в тени глазниц.

Будь на ее месте мужик, я бы, конечно, не поддался уговорам насчет "убери оружие, я не хочу тебе вреда". Но тут - какая-то тетка ростом не выше меня, тощая, почти старуха. Да я справлюсь с такой даже голыми руками - полагаться на ствол ниже моего достоинства! С видом демонстративного превосходства я сунул пистолет за пояс.

- Твои родители дома? - спросила она.

- Конечно! - немедленно соврал я.

- А я думаю, что нет, - спокойно ответила она. - Они уехали еще вчера... уже позавчера, точнее.

- Да, - тут же перестроился я, - но они вот-вот подъедут. Папа звонил мне, они уже близко.

- По-моему, в вашем доме не работает телефон, - столь же спокойно возразила она. - Если ты хочешь услышать правду, то и сам не должен врать, не так ли? И, в любом случае, мы издали увидим фары любой подъезжающей машины.

Я молчал. Она положила включенный фонарь на крышку мусорного бака, стянула с рук и положила туда же резиновые перчатки, которыми рылась в мусоре, и потянулась рукой в карман куртки. Моя рука тут же дернулась к пистолету.

- Там нет оружия, - сказала она и вытащила пачку сигарет. Вытянула оттуда одну, затем протянула пачку мне: - Будешь?

Ага, ага. Дешевые приемчики. Предложи 14-летнему сельскому мальчишке закурить - и он тут же растает и проникнется к тебе доверием и симпатией. Не на того напала.

- Нет, - презрительно ответил я. - И вам не позволю дымить мне в лицо. Мне херов[10] рак легких без надобности.

Никто из моих родителей не курил, и пьяными я их тоже ни разу не видел. Но я специально сказал "херов", чтобы она не считала меня маменькиным сынком.

- Ишь ты, какой правильный, - проворчала она. - Ну ладно, как скажешь, - она убрала сигарету в пачку, а пачку в карман. - Хотя без сигареты об этом тяжело говорить...

- Так зачем вы рылись в нашем мусоре? - поторопил ее я.

Вместо ответа она вдруг спросила:

- Ты очень любишь свою сестру?

- Конечно, - ответил я на автомате, вместо того, чтобы сказать, что не обсуждаю семейные дела и вообще не веду разговоров с посторонними. Но ведь я уже сам начал разговор с посторонней, не так ли?

- Вот и я тоже очень любила свою, - кивнула она. - Роуз. Ее звали Роуз. А я Лили. Такой вот гербарий. Сейчас по мне не скажешь, да? Больше похожа на Чертополох. Но что поделать, так назвали родители. Хотя Рози действительно была, как нежный цветок. Даже без шипов. По-хорошему, это ее следовало назвать Лилией... Мне кажется, она вообще за всю жизнь никого не обидела. Даже в детстве всегда за всех заступалась и пыталась погасить любой конфликт. Я была старше ее на два года. Знаешь, старшие часто ревнуют к младшим, думают, что те забрали все внимание и любовь родителей на себя. Но это был не наш случай. На Рози просто невозможно было сердиться. Если, к примеру, она видела, что ее подарок на Рождество нравится мне больше, чем мой собственный - тут же передаривала его мне. Если видела, что я чем-то расстроена - обнимала своими ручонками и... - ее голос прервался.

- Так при чем тут наш мусор? - холодно напомнил я. Я совсем не был склонен умиляться чужой семейной историей. По употребляемому ею прошедшему времени я понял, что эта чудесная Рози умерла, и, видимо, давно, возможно - еще в детстве, лет тридцать назад, но какое отношение все это имеет к нам, и, в особенности, к Нелл?

- Имей терпение! - огрызнулась Лили. - От тебя его требуется гораздо меньше, чем от меня. Так вот, замуж Рози вышла первой, хотя и была моложе. Ну, еще бы - такая красавица... И я тоже искренне была за нее рада, не завидовала и не ревновала. Джеральд был хорошим человеком, хотя и... слишком мягким, на мой вкус. Он бы точно не выскочил с пистолетом защищать своих близких. У него бы не хватило духа убить другого, даже обороняясь. Но они с Роуз очень любили друг друга. Потом у них родилась дочка, это была прямо-таки идеальная семья. А потом, в один кошмарный день, они пропали. Все трое. Рози, Джеральд и трехлетняя

[10] В оригинале fucking

Дороти. Я была тогда далеко, на другом конце страны. Вкалывала, как проклятая, на буровой на Аляске. Не очень женская работа, да? Хотя моей задачей в основном было следить за приборами... ладно, это неважно. Важно, что буквально накануне исчезновения мы с Рози говорили по телефону. И она, промежду прочим, упомянула об очень милой семейной паре, с которой познакомилась на детской площадке и которую они с Джеральдом пригласили в гости. Никаких деталей, типа описания внешности, она не рассказывала, а я и не думала расспрашивать, моя голова тогда, честно говоря, была забита проблемами буровой, где как раз начались неполадки с оборудованием, за которое я отвечала. И все. Это было последнее сообщение, полученное от Роуз кем-либо и когда-либо. От Роуз, но не от Джеральда. Этот визит должен был состояться в субботу, а в понедельник он позвонил своему боссу и сказал, что увольняется и уезжает. Что даже не будет отрабатывать оговоренные контрактом две недели и да, он понимает, что лишается в этом случае выходного пособия. Ему-де предложили работу в другом штате, на очень выгодных условиях, но приступить надо немедленно, иначе он потеряет то место. Сообщить какие-либо подробности он не может, ибо связан соглашением о конфиденциальности с новым боссом. На следующий день, то есть во вторник, он снял все деньги с семейного счета, но, что характерно, сделал это через отделение банка в ста восьмидесяти милях от прежнего места жительства. На этом и его следы навсегда теряются. Рози нигде не работала, она сидела с Дороти, так что ей увольняться было неоткуда. Но наши с ней родители подняли тревогу, когда дочь перестала отвечать на звонки. Им ни она, ни Джеральд не звонили и ни о какой "работе в другом штате" не рассказывали. Полиция нехотя начала проверку, но в их глазах дело слишком походило на добровольный отъезд (семейный автомобиль, кстати, тоже исчез). Никаких мотивов для преступления не просматривалось ни по линии Джеральда, ни по линии Роуз. Врагов у них не было - ни деловых, ни личных. Ни брошенных жен и отвергнутых любовников, ни даже бывших одноклассников, жаждущих отомстить за школьную травлю - Джеральд был только жертвой таковой, но никогда не участником. Ограбление? Опросили кассира, выдавшего деньги, показали ему фото Джеральда. Он сказал, что вроде похож, но точно он утверждать не может, через их отделение ежедневно проходит множество клиентов. Удостоверение личности, во всяком случае, ни малейших сомнений в подлинности не вызывало. Показали оставленную при снятии денег подпись эксперту-графологу, тот сказал, что есть незначительные отличия от предыдущих, но это может быть объяснено не только подделкой, но и, например, волнением или усталостью, связанными с переездом. И вообще, человек - не автомат, его подпись всегда слегка варьируется. При этом снятая сумма была не настолько велика, чтобы выглядеть весомым поводом для убийства или, скажем, для похищения ребенка с целью выкупа. Молодая семья хоть и не нищенствовала, но и богатой не была. Конечно, какой-нибудь наркоман прирежет и за десятку, но исчезновение целой семьи выглядело слишком тщательно спланированным, чтобы ожидать такого от наркомана. Когда, наконец, известили меня - а это случилось далеко не сразу, на этой чертовой буровой были еще и проблемы со связью - я, конечно, бросила все и примчалась, чтобы рассказать полиции о том последнем звонке. Но полиции мой рассказ оказался бесполезен. Он, видите ли, не дал им "никаких конкретных зацепок". Хотя вроде бы даже нашли пару свидетельниц с той же детской площадки, которые видели, как Роуз говорила с какой-то женщиной, но и они не запомнили никаких деталей. Мамаши в таких местах больше следят за собственными детьми, чем за другими мамашами. В итоге дело, хотя и формально не закрытое, ушло в "висяки"[11], которые фактически больше не расследуются. От нас отделывались заявлениями, что, возможно, Роуз еще свяжется с нами со своего нового места жительства, и что случаи, когда люди по доброй воле рвут многолетние родственные связи, не столь уж и редки - особенно, мол, такие вот мягкие и деликатные люди, затаившие обиду на что-то, но не решающиеся сказать о ней

[11] В оригинале cold cases

прямо. Или, например, новые знакомые убедили их примкнуть к какой-нибудь религиозной общине - это они так деликатно именовали секту - что тоже часто сопровождается разрывом прежних связей, но само по себе не криминал. Хотя ни Рози, ни Джеральд никогда особо не интересовались религией, и уж тем более - нестандартными ее вариантами... Мои родители не выдержали всего этого - отец умер от инфаркта, мама после его смерти наглоталась снотворного. От всей еще недавно счастливой семьи осталась только я. И я сказала себе, что я переверну небо и землю, но найду... если не мою сестренку, хотя поначалу у меня еще теплилась надежда отыскать ее живой, то хотя бы тех подонков, которые это с ней сделали. Что я положу на это всю свою жизнь, и что отныне нет у меня другой цели, кроме этой, - Лили машинально потянулась в карман за сигаретами, потом спохватилась и с кривой усмешкой убрала руку. - Я истратила на эти поиски все деньги, какие мне достались от родителей. Позже я вышла замуж за... а, не имеет значения его имя. На самом деле я никогда не любила его. Мне просто нужны были средства для продолжения поисков, а он был довольно состоятелен. Поначалу мне даже удалось заразить его своим энтузиазмом, но, конечно, надолго его не хватило. Рози была ему никем, и он начал заявлять, что, мол, пора "принять случившееся и двигаться дальше", ну, то, что все они говорят в таких случаях... Откровенно говоря, я скверно обошлась с ним. Можно сказать - ободрала его, как липку, сначала в браке, а потом еще и при разводе. Но я не жалею. Он-то, в любом случае, остался живой. И главное - все эти деньги и усилия были не напрасны. Я иду по следу уже десять лет. И за это время я кое-что накопала. Ты не представляешь себе, насколько трудно искать информацию, раскиданную по всей стране и даже за ее пределами, сколько бензина я извела в поездках из штата в штат, из округа в округ, в скольких сотнях архивов я побывала, сколько тысяч микрофильмов и ксерокопий просмотрела. И, кстати, сколько денег ушло на, гм, подмасливание, ибо не любая информация предоставляется по запросу любому желающему. Скольких бывших и действующих копов, а иногда и не только копов, мне пришлось угощать обедом, чтобы они согласились кое-что мне рассказать, про показания свидетелей и не только... В итоге мне удалось найти 17 подтвержденных случаев исчезновения целых семей за 7 лет, включая случай Роуз - из них 15 в США и 2 в Канаде. Возможно, на самом деле их больше, но это те, о которых я знаю наверняка. Точнее, какое-то время я думала, что их 18, но одна семья впоследствии нашлась, - Лили произнесла это со странной интонацией, смысла которой я не понял, но догадался, что речь идет отнюдь не о ее Роуз. - Поэтому этот случай мы исключим из рассмотрения и будем говорить только о 17. Из них 11 - матери-одиночки с ребенком, но остальные - полноценные семьи из трех человек: муж, жена, маленький ребенок. Все женщины - белые, цветным был лишь один мужчина. В одном случае ребенок приходился пасынком одному из супругов, во всех остальных - родной. Возраст ребенка - от года до пяти. В 13 случаях - не знаю, имеет ли значение это число - это были мальчики, и только в четырех, включая Дороти - девочки. География, как я уже сказала - по всей стране и даже за ее пределами. Хотя, возможно, канадские случаи попали в выборку случайно, но я так не думаю... Черт, как курить охота. Ты настоящий садист, что запрещаешь мне, ты знаешь это? Так вот. Тел никогда не находили. Ни детей, ни взрослых. Широкой огласки в СМИ дела не получали и, в большинстве случаев, расследовались спустя рукава, если вообще расследовались. Во всех случаях наблюдалась аналогичная картинка - прежде, чем исчезнуть, жертвы оставляли сообщение, что переезжают в другой город, и снимали деньги со счетов. В поздних случаях - через банкоматы, в ранних, когда банкоматов еще не было - через кассиров, но всегда не в том отделении банка, где они обычно обслуживались и где их кто-то мог бы знать в лицо. Однако и доказать, что на самом деле за деньгами приходил кто-то другой, всего лишь загримировавшийся под фото на удостоверении личности, ни разу не удалось. По последнему известному месту жительства пропавших никогда не находили признаков взлома, борьбы или насилия - типа там следов крови и всего такого.

- Тогда с чего вы взяли, что все эти люди не могли и правда просто уехать? - перебил я.

- С того, что больше их никто никогда не видел, - ответила она тоном "поясняю для

дебилов". - Но если ты спросишь мое мнение, кто же на самом деле звонил на работу и снимал деньги, то я полагаю - по крайней мере в части случаев это действительно были сами жертвы. Какая мать не сделает что угодно, если в противном случае ее ребенку обещают мучительную смерть. И какой отец тоже, если это обещают и ребенку, и жене... По крайней мере, Джеральд бы точно поступил именно так. Чего, однако, они все не понимали, так это того, что в случае исполнения всех требований похитителей участь всей семьи будет точно такой же... Требования о выкупе никогда не предъявлялись, и жертвы никогда не были по-настоящему богатыми людьми. Жилье у молодых семей было, как правило, в ипотеке или съемное. Поэтому с прекращением выплат оно отходило банку, либо лендлорд селил новых жильцов. Так что коммерческий мотив тут не просматривался, или, как минимум, был не главным. Хотя, если просуммировать всю серию, то там уже набиралась довольно приличная сумма - но все равно, риск такого количества преступлений не соответствовал масштабу добычи. Даже педофилия тут вряд ли, уж больно маленькими были дети, а главное - зачем тогда похищать всю семью? Чтобы родители не заявили в полицию? Слишком сложно, обычно педофилы так себя не ведут.... - я не знал, кто такие "педофилы", но не стал переспрашивать. - В страшилки про разборки людей на органы я не верю, - продолжала она. - Такие операции не делаются на коленке в подвале, они требуют очень сложного и дорогого оборудования и очень квалифицированного персонала, хирургов, способных их делать, мало, они все на виду и слишком хорошо зарабатывают, чтобы идти на такой риск, да и отчетность по донорским органам весьма строгая. Пришлось бы вовлекать в заговор целые клиники... Нет - все это творили больные на всю голову выродки, которым просто нравилось убивать. Убивать целые семьи на глазах друг у друга. Заставлять мать смотреть, как пытают ее ребенка, а мужа - на муки жены... Ладно, ты как хочешь, а я закурю, - Лили решительно полезла в карман. - Можешь отойти на пару шагов, чтобы не дышать канцерогенами.

Я и впрямь отступил назад, но не очень далеко. Это могла быть уловка. Но Лили действительно некоторое время просто молча курила, отвернувшись в сторону шоссе, а я думал о том, до чего же все-таки это мерзкий запах.

- В 1979 убийства - или, если угодно, исчезновения - прекратились, - продолжила она наконец. - С тех пор их нет уже семь лет. Но это не должно особо удивлять. Серийные убийства всегда в итоге прекращаются, даже если маньяков так и не ловят. В каких-то случаях, очевидно, из-за смерти маньяка от естественных причин или несчастного случая. Но не во всех. Чаще всего продолжительность серии короче средней продолжительности жизни взрослого человека. Видимо, рано или поздно многие из них... насыщаются. Собирают коллекцию трофеев, которую считают достаточной, и решают больше не рисковать, ограничиваясь ее созерцанием. Типа там отрезанных голов, или фотографий, или даже просто воспоминаний. А, может, и просто находят себе новое увлечение, даже и вполне безобидное. Кто знает, что творится в головах у психов. Особенно у таких, которых так и не поймали. Знаешь, что такое "ошибка выжившего"? Все, что мы знаем о маньяках, мы знаем только по тем, которые спалились. То есть по проигравшим. И это ничего не говорит нам о чемпионах.

Она бросила окурок на землю и затоптала его своим тяжелым ботинком. Затем снова повернулась ко мне.

- Это то, что можно нарыть в открытых источниках. Но в некоторых случаях нашлись свидетели, показания которых пролили свет на способ, которым маньяки втирались в доверие. На детской площадке того или иного города появлялась молодая, привлекательная, хорошо одетая женщина, которая сидела на скамейке с какой-нибудь крупной игрушкой на коленях - мишкой, куклой, машинкой - и с улыбкой смотрела на играющих детей. Реакция общительных мамаш понятна. Рано или поздно какая-нибудь из них подсаживалась к ней и задавала закономерный вопрос - "Какой из них ваш?" Молодые мамаши могут обсуждать друг с другом своих отпрысков часами, даже когда это разговор на уровне, кто как покакал и кто как отрыгнул,

извиняюсь за выражение. Мне это непонятно, но у меня никогда не было детей. И в ответ незнакомка, по-прежнему улыбаясь, но уже совсем не весело, рассказывала душещипательную историю. "Никакой, - говорила она. - Мой Питер, или моя Дженни, или кто еще там, умерли один-два-три месяца назад. Но я по-прежнему прихожу на детскую площадку с их[12] любимой игрушкой, чтобы посмотреть на других детей и порадоваться хотя бы за них. Это помогает мне утешиться в моем горе. Пусть хотя бы эти дети и их родители будут счастливы!" Ну и, конечно же, потрясенная мамаша преисполнялась сочувствием и уже не могла просто сказать: "Ладно, хорошего дня". Завязывался доверительный диалог, в ходе которого выяснялось, что у новой знакомой еще и очень милый муж, который тоже совершенно убит обрушившимся на них горем, но старается держаться и поддерживать жену. Ну а итог ты уже знаешь. "А знаете что? Приходите к нам в гости в эти выходные! Мы будем очень рады!" Увы - и эта информация не позволила составить сколь-нибудь внятный фоторобот, поскольку свидетели обычно не были, собственно, свидетелями. Они были, как и я - родственниками или подругами, которым жертва пересказала историю по телефону или при личной встрече, прежде чем исчезнуть. А в тех еще более редких случаях, когда удавалось получить хоть какие-то описания внешности, они не совпадали друг с другом. Очевидно, преступница отлично умела гримироваться. Скажу сразу - версия, что это профессиональная актриса, подтверждения не нашла. Хотя, по сути, любая женщина с помощью прически и макияжа может изменять свою внешность практически до неузнаваемости... ну, кроме меня, очевидно, - усмехнулась Лили. - Мне это искусство столь же чуждо, как и обсуждение детских какашек... Хотя я уверена, что по-настоящему полезные свидетельницы все же существуют. Но отыскать их не смог никто - даже я. Не могла схема маньяков работать без единой осечки. Наверняка были разговоры, которые не заканчивались приглашение в гости. Или в ходе которых преступница понимала, что у потенциальных жертв слишком много друзей и родных, которые поднимут шум и будут требовать расследования. Тогда она вежливо прощалась и уходила - и больше никогда не появлялась в той местности. Поэтому никому не приходило в голову искать там этих женщин, говоривших с ней. Следующее похищение происходило совершенно в другом штате... Короче, следствие всякий раз заходило в тупик, доказательств, что совершилось преступление - не было, и никто так и не потрудился собрать все эти дела в серию, они расследовались по отдельности. Их, за несколько лет работы, собрала вместе только я, но кто я такая? Сумасшедшая баба, у которой поехала крыша на почве исчезновения сестры, и теперь она видит серию в любых случайных совпадениях. Какой полицейский хрен станет меня слушать? Им всем гораздо проще, когда дело сдано в архив, и нет никакого желания к нему возвращаться. Особенно когда каждый день происходят новые убийства, ограбления и изнасилования, где и факт преступления налицо, и улики есть, и след еще не остыл. И на полицию давят и требуют результатов целые кампании в СМИ, а не одна я. Почему, кстати, ко мне не присоединились родные других жертв? Ну во-первых - не у всех они вообще были, во всяком случае - достаточно близкие, чтобы им было не пофиг. Как я уже сказала, маньячка наверняка старалась уточнить этот вопрос. Хотя и найти среди молодых семей людей совсем без близких непросто. Но даже у кого они и были - предпочли "принять случившееся и жить дальше", как много раз советовали и мне. "Оставь прошлое прошлому, мы не хотим проходить через все это снова." Или же - предпочли верить, что брат или дочь действительно просто куда-то уехали и живут там в свое удовольствие, а не умерли страшной смертью. В какой-то степени я даже могу их понять. Но не могу им уподобиться, - Лили повертела в руках зажигалку, выщелкнула непонятно зачем язычок пламени - сигареты во рту у нее уже не было - затем защелкнула крышку и сунула зажигалку в карман. - Так вот. Когда я собрала все факты, какие смогла собрать, к каким выводам я пришла? Маньяки с легкостью перемещались по всей стране, но при этом, по всей видимости, ни разу не засветились в отелях

[12] В английском форма множественного числа может использоваться, когда пол не важен или может быть любым.

и мотелях, да и прятать там жертв уж точно бы не могли. А где-то они их прятать были должны, поскольку убивали не дома и, - мрачно добавила Лили, - скорее всего, не сразу. Тел тоже никогда не находили, ни в каких лесах и озерах, как это нередко бывает с жертвами убийц, полагающих, что удачно избавились от трупов. Пропадали также и автомобили жертв, что тоже работало в пользу версии "сами уехали" - но и этих машин никто больше не видел, во всяком случае, в тех местах, где на них рассылали ориентировку. Если от них избавлялись, то где-то далеко от места похищения. Ну и, что из всего этого следует? У убийц был большой трейлер или грузовик, на котором они и разъезжали по стране. Грузовик, лишенный окон, более вероятен - в передней части закрытого кузова легко оборудовать изолированную, в том числе и звукоизолированную, тюрьму и камеру пыток, о которой никакой внешний наблюдатель никогда не догадается. Не догадается, даже если сунет нос в кузов сзади и увидит, что там все забито грузом, на который при этом будут все тщательно оформленные документы. Разбирать этот груз ни один дорожный патрульный не полезет - особенно если это будут, к примеру, бочки с ядовитыми химикатами. Также в кузов грузовика можно загнать и целый легковой автомобиль. Это уже, конечно, более рискованно в плане проверок на дорогах, но когда еще эти проверки начнутся? Грузовик к этому времени будет уже в другом штате. Ну и химикаты годятся не только для того, чтобы отпугивать любопытствующих патрульных. Но и чтобы растворять тела и любые органические улики, к примеру. Или полить тот же автомобиль сильным окислителем, от чего он станет походить на давно ржавеющие обломки, а не на вчера еще новенькую машину. Экспертиза, может, и показала бы, что коррозия не была естественной, но кому придет в голову проводить ее для какого-то металлолома, валяющегося возле свалки в другом штате за сотни миль от места исчезновения? Ну и, помимо избавления от улик, у химии есть и другое полезное для маньяков применение. Всяческие препараты, при вдыхании или приеме с пищей лишающие человека способности к сопротивлению. Начиная от банального хлороформа, хотя в наши дни используют гораздо более эффективные вещества. Поэтому в домах жертв никогда не находили следов борьбы. Видели ли свидетели рядом с местами исчезновений большой грузовик? Может, и видели, но не запомнили. Любой горожанин в наши дни видит их регулярно, кто обращает на них внимание? Ну разве что - если бы там был какой-нибудь затейливый логотип. Но его там не было. Идеальная машина для маньяков, правда? Но есть нюанс. Больших грузовиков не так много, а сертифицированных для перевозки опасных грузов и того меньше. Их все равно не десять и не сто, конечно же. Но и не миллионы. И обслуживаться они тоже могут далеко не в любой автомастерской. А теперь мы возвращаемся к кейсу №18. Счастливому исключению, которое ранее вывели из рассмотрения. Последнему в серии, после которого исчезновения прекратились. Оно похоже на прочие - семья с маленьким ребенком внезапно пропала, вроде бы куда-то уехала, сняв деньги со счета и не оставив никаких контактов. Но есть и отличия. Во-первых, в семье было не три, а четыре человека. Мать мужа жила вместе с ними и с ними же пропала - единственный случай на всю серию. Во-вторых, ребенку было не пять, а семь. Догадываешься, о ком я, Джон?

- Нас никто не похищал!

- Разумеется, - осклабилась Лили. - А теперь вопрос на миллион долларов - был ли у твоих родителей грузовик?

- Я не обсуждаю наши семейные дела с посторонними! - наконец я вспомнил эту фразу.

- Значит, был, - спокойно кивнула она. - Иначе ты бы ответил просто "нет". Впрочем, не беспокойся - ты никого не выдал и не предал. Я и так знала, что он был. Хотя узнать это было не так-то легко, уж можешь мне поверить. Твои родители вроде как занимались коммерческими перевозками, но это была очень странная коммерция. Я неделями листала подшивки газет в поисках объявлений, где они бы рекламировали свой бизнес. У меня чуть глаза не вытекли от напряжения, но я так и не нашла ни одного.

- Клиенты рекомендовали их друг другу по цепочке.

- Допустим. Мне не удалось подкупить клерка из DMV[13] - удивительно, но и среди них попадаются принципиальные. Однако парень из автомастерской оказался более сговорчив. Сам понимаешь, она не могла располагаться слишком далеко от вашего прежнего дома, так что мне удалось отыскать ее простым перебором довольно быстро. И вот там уже я получила все сведения об этом грузовике. Ничего такого, с чем можно было бы идти в полицию, конечно. Механики занимались ходовой частью и электрикой, но не видели пыточной камеры внутри. Просто время, в течение которого грузовиком владела твоя семья, практически идеально совпадает с временем, когда совершались похищения. Ну а потом... оставшиеся годы ушли у меня на то, чтобы вас найти. Штат за штатом, округ за округом. Являться лично в каждый окружной архив и просматривать там сделки с недвижимостью за 1979 год в надежде увидеть вашу фамилию. При условии, что вы ее не сменили. Как оказалось - не сменили. Видимо, твои родители решили, что если делать это легально, то следы останутся в архивах и могут привлечь внимание - ну в самом деле, фамилия у вас совершенно нормальная, и нет никакого разумного повода менять ее на другую. А если делать это нелегально, то все документы типа лицензии на управление грузовиком придется получать снова - видимо, они считали, что таковая еще может им пригодиться... Конечно, это не был совсем уж тупой перебор. В этой стране тысячи округов. Но я прикинула, в каких районах стоит искать в первую очередь. Прятаться можно одним из двух способов - либо в толпе, либо в глуши. Первый, в общем-то, даже надежнее. В этом случае вы бы перебрались в какой-нибудь мегаполис. Но вам этот вариант не очень подходил. Потому что в большом городе недвижимость значительно дороже, и там трудно прятать ребенка. Рано или поздно кто-нибудь его увидит и обратит внимание. Причем я не имею в виду тебя, Джон. Ты существовал по прежнему месту жительства вполне легально и на новом мог бы пойти в обычную школу. Тебя изолировали от всех прочих только для того, чтобы ты, по детской наивности, не проболтался никому о пятом члене вашей семьи. Знаешь, что вело меня все последние годы адова труда, постоянных переездов из города в город, из округа в округ, из архива в архив? Не только жажда найти и покарать убийц моей сестры, но и надежда. Надежда спасти ту, что еще жива. Как я говорила, в самом начале я верила, что это может быть сама Рози. В ужасном положении, в рабстве у садистов и насильников, но живая. Хотя сама бы я, наверное, предпочла смерть такой жизни... Но по мере того, как я собирала всю серию, я поняла, что это нереально. Никакие маньяки в наше время не могут годами прятать такое количество рабов - ну то есть теоретически это возможно, но требует уже целой мафии, а не просто пары отморозков. А значит - жертв убивают, сразу или чуть погодя. Но у меня зародилась надежда, что убили все-таки не всех. Я не могу привести строго рациональное обоснование, как по другим своим выводам. Называй это интуицией, называй навязчивой идеей сумасшедшей бабы. Но я обратила внимание, что девочек среди жертв - только четыре, причем Дороти стала последней. И я подумала, что, возможно, мальчики шли в расход без жалости, поскольку мальчик у убийц уже был, и новый был им не нужен. А вот девочек они как бы подбирали, и после трех кандидатур остановились на Дороти. Я опять-таки не знала, для какой цели шел этот отбор - для каких-то особенно изощренных истязаний, для сексуального насилия, для содержания в роли домашнего животного - или, как ни абсурдно это звучит, для того, чтобы просто воспитывать, как свою дочь. Но я надеялась - и, возможно, иногда безумные надежды все же оправдываются.

- Вы действительно... сумасшедшая баба! - не выдержал, наконец, я. - Все это - полная херня! Мои родители - хорошие люди! Они даже ни разу не ударили ни меня, ни Нелл! Ну, может, пара шлепков по попе в совсем мелком возрасте, когда слова не доходили, но это же не в счет...

- Скажи пожалуйста, тебе что-нибудь говорит дата 14 июля 1976 года?

- Нет, - честно ответил я.

---

[13] Department of Motor Vehicles - ведает регистрацией автотранспорта и выдачей водительских лицензий.

- А пятнадцатое?

- Ничего. Вы так до декабря перебирать будете?

- Ладно, ты помнишь, когда в твоей семье появилась... Нелл?

- 31 июля.

Возможно, и не следовало это ей сообщать, но должен же я был продемонстрировать, что она села в лужу со своими догадками?

- 76-го?

Я прикусил язык, сообразив, что не надо ничего говорить ей про удочерение, но она уже продолжила: - Только не говори мне, что это был 73-й, и что ее просто принесли из роддома. Ты бы не запомнил, если бы тебе был тогда всего год, - а затем добавила, качнув головой: - Боже, выходит, они пытали их три недели...

- Вот что, леди, - потерял терпение я, - вам что ни скажи, вы все по-своему повернете. Хотя по правде-то все, что вы можете нам предъявить - это что у моих родителей когда-то был грузовик, а это не преступление. Ну и что мы не пропали, как другие - хотя это-то как раз доказывает, что и другие, может, не пропали, - я был ужасно горд своей логикой. - Так что убирайтесь-ка вы подобру-поздорову, и оставьте нашу семью в покое. А если вы только подумаете сунуться к Нелл и вешать ей на уши ваши бредни, я вас и правда пристрелю! - я угрожающе положил руку на рукоять пистолета.

- Есть очень простой способ доказать, что это и в самом деле бредни, - спокойно сказала она. - Что возвращает нас к твоему исходному вопросу про мусор.

А, да. За всеми этими чудовищными обвинениями я и забыл про это.

- Скажи пожалуйста, у Нелл уже есть месячные?

Я понятия не имел, о чем она, но знал, что ответ отрицательный. В противном случае Нелл бы мне сказала даже раньше, чем родителям. Однако откровенничать с этой ненормальной и дальше я не собирался.

- У Нелл есть все, что ей надо, а от вас ей не надо ничего! - отрезал я самым грубым тоном, на какой был способен.

- Видишь ли, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос, мне нужен образец ее крови.

- Чи-во?! - я аж задохнулся от такой наглости.

- Если есть месячные, то проще всего было бы взять использованный тампон или прокладку. Но если нет, или если их слишком долго ждать, можно взять кровь из пальца или...

- Да кто тут маньяк, по ходу?! Свои пальцы режь, дура чокнутая! А про Нелл и думать забудь!

- Ты не понимаешь, - покачала головой она. - Кровь нужна для анализа ДНК. И, конечно, и моя тоже. Если анализ покажет, что мы не родственники, значит, Нелл не Дороти, и все это действительно не более чем совпадение. Впрочем, можно обойтись и без крови. Насколько я знаю, прядь волос тоже годится, только она должна быть выдернута с корнями, а не срезана...

Ни про какие ДНК я слыхом не слыхивал - эта технология тогда только-только появилась, о ней не знали даже еще многие полицейские, во всяком случае, в нашей глуши точно.

- В последний раз говорю - вали отсюда! - я вытащил пистолет. - То она резать мою сестренку хочет, то волосы ей рвать! Твое счастье, что тебя не слышат наши родители - они бы тебя уже живьем закопали!

Я запоздало сообразил, что это был не очень удачный аргумент в рамках темы "мои родители - хорошие люди и никакие не маньяки", но она не стала заострять на этом внимания, а лишь брезгливо поморщилась:

- Да убери ты уже эту штуку! Если хочешь знать, твои угрозы оружием только дают мне законное право убить тебя в порядке самообороны, но я не хочу это делать! А что касается твоих родителей, то они сейчас идут по моему следу. Только это ложный след... теперь уже ложный. Мне больше не нужны отчеты Лоренцо. Я уже нашла вас сама. Хочешь узнать, как?

Она играла на моем любопытстве, как та Шахерезада (про которую я, кажется, тогда еще не читал), вынуждая меня продолжать диалог. Я нехотя снова спрятал пистолет.

- Ну ты ж сама говорила - искала в архивах малонаселенных округов, - буркнул я.

- Да, но по всей стране их все же слишком много. Плюс, хотя я уже знала вашу фамилию - как я уже сказала, у меня не было уверенности, что твои родители пользуются ей. Но, видишь ли, когда я подумала, что Дороти может быть жива, и что она, возможно, даже живет не на положении пленницы... во всяком случае, такой, которая понимает, что она пленница - то я решила, что рано или поздно твои родители вынуждены будут отвезти ее к какому-нибудь врачу. Скорее всего - к дантисту. При отсутствии тяжелых патологий - а Дороти, во всяком случае в свои первые три года, была замечательно здоровым ребенком - и серьезных травм, практически любую детскую хворь можно вылечить своими силами. Но вот сверлить и пломбировать зубы на дому никто не может. Я объехала сотни клиник в нескольких штатах, везде рассказывая - не самим докторам, а их ассистенткам и регистраторшам, которые почти всегда женщины - одну и ту же душещипательную историю про бывшего мужа, который, вопреки постановлению суда, выкрал нашу дочь и, вместе со своей новой женой, увез ее в неизвестном направлении. И вот теперь моя единственная надежда отыскать мою дочурку - если они засветятся у какого-нибудь дантиста. Они могут назваться фальшивыми именами, могут даже заставить девочку представиться не ее настоящим именем - но если к вам, милая, придет на прием странноватая пара с девочкой такого-то возраста, совсем не похожей на маму (и даже на папу не очень - она пошла в меня), то вас не затруднит отослать все их данные мне? Вот я вам оставляю оплаченный конверт. Ах, спасибо, вы очень добры! Женщины в такой ситуации почти всегда становятся на сторону женщины, понимаешь? Верят безоговорочно и не требуют доказательств. Естественно, многие спрашивали у меня фотографии девочки и отца. Но я говорила, что негодяй-муж увез еще и семейный фотоальбом, так что все, что у меня осталось - это фото моей малышки в трехлетнем возрасте. Кстати, маньяки и в самом деле поступали так - забирали из домов все фотографии жертв, какие могли найти. С одной стороны, логично, что уехавшая семья, даже бросившая всю мебель, забрала с собой семейные фото, с другой - это затрудняет поиски. Единственное фото Дороти сохранилось только потому, что было у меня. Могу и тебе показать, - она достала из внутреннего кармана большой плоский бумажник, а из него - маленькую черно-белую фотографию, и осветила ее фонарем. - Вспомни, какой она была, когда только появилась у вас. Похожа?

Я нехотя взглянул на круглое личико с большими глазами, обрамленное светлыми кудряшками, и пожал плечами:

- Все маленькие дети похожи. Да и я уже не особо помню, как кто выглядел, когда мне было четыре.

Она убрала фотографию и продолжила:

- За два с лишним года мне пришло не так уж мало писем в моих конвертах, и все их пришлось проверять. Но все это были ложные следы. Пока, в конце концов, ловушка таки не сработала. Так я узнала, что вы все же пользуетесь настоящими именами... если, конечно, считать имя "Нелл" настоящим.

- Оно настоящее!

- Ты хотя бы знаешь, как оно звучит полностью?

- В смысле? Нелл и Нелл, куда полнее-то. Как и я Джон и Джон.

(Позже я узнал, что имя "Нелл" действительно может быть и краткой формой других имен - Корнелии, Элеоноры, Хелен и даже какой-то Петронеллы - никогда бы не подумал, что так можно назвать девочку, а не нефтяную компанию.)

- Да, так они ее и записали, - кивнула Лили. - Впрочем, не думаю, что существует еще какой-либо документ, где значится ее имя. Эта запись у дантиста, вероятно, стала первой. Все прочее - адрес и телефон - там были, понятно, фэйковые. Но я рассудила, что они не стали бы

везти тринадцатилетнюю девочку к дантисту на другой конец страны. Если она не была запугана и затравлена до бессловесной покорности - а она, по словам моей корреспондентки, таковой не выглядела, сердобольная женщина специально приписала, чтобы я не беспокоилась - нет никаких признаков, что "муж" плохо обращается с девочкой - то, соответственно, было бы трудно объяснить ей необходимость столь дальней поездки, да и она могла бы что-нибудь ляпнуть у врача, что-то типа "ой, я так устала, мы два дня сюда ехали!" Так что я предположила, что искать вас надо в радиусе не более двухсот миль от того кабинета. А скорее даже в кольце с радиусами 50 - 150, чтобы и не слишком близко к дому, и не слишком далеко для поездки туда-обратно в один день. Ну и, это предположение вполне подтвердилось, хотя искать и пришлось в двух штатах, причем начала я не с вашего, думая, что они пересекли границу, чтобы запутать след. Оказалось, что нет. Но, так или иначе, я нашла. Кстати, вскрылись интересные подробности с вашей недвижимостью. Ты знаешь, что вам принадлежат все три фермы?

- Три?

- Эта, та, что сгорела, и та, что пока еще цела с другой стороны. Ну то есть формально все три были выкуплены неким обществом с ограниченной ответственностью в 1979 году. И почти сразу же средняя была перепродана вашей семье, а две другие остались за прежним владельцем. Я пыталась связаться с менеджером этого ООО, но безуспешно. Этого человека нет среди членов пропавших семей, но все равно я очень сомневаюсь, что он еще жив. Никакой коммерческой деятельности это ООО не ведет, прибыли не имеет, однако налоги на недвижимость исправно выплачиваются. Ты никогда не задумывался, почему за 7 лет у вас так и не появились соседи?

- Папа говорил, фермерство в этих краях стало невыгодно, а просто жить на отшибе так, как мы, хотят и могут немногие.

- Ну да. Но он предпочел не закладываться на это и перестраховаться, чтобы соседей уж точно не было. Только тебе почему-то об этом не рассказывал. А теперь, выходит, спалил собственную недвижимость, хотя вряд ли расценил это как убыток.

- Что значит "он спалил"?! - возмутился я.

- А ты правда думаешь, что этот пожар возник сам? Ваш тупоголовый толстозадый шериф, конечно, будет до последнего цепляться за версию о "неизвестном бродяге, отравившемся угарным газом". Хотя я уже рассказала ему, что это Гвидо Лоренцо, работавший на меня, что он следил за вашим домом и что они смогут идентифицировать его личность по зубам, как только свяжутся с его дантистом. Страшные люди эти дантисты, особенно для тех, кто хочет скрыть преступление, м-да. Но кто я для него, в смысле, вашего шерифа? Чужачка, лезущая не в свое дело, да еще и из ненавидимого им "синего" штата.

- Что значит "синего"?

- Ну ты же знаешь, что есть штаты, которые всегда голосуют за республиканцев, как ваш, а есть те, что за демократов? Вот я как раз из последнего... хотя мне самой, кстати, демократы никогда не нравились, и ни на какие выборы я не ходила уже десять лет... Но даже если личность Лоренцо установят, доказать убийство, видимо, все равно не получится. Будет все та же версия про "угарный газ и случайно выпавший из печки уголек", и поди докажи иное, когда от жертвы остались одни обугленные кости, причем, насколько я понимаю, не переломанные....Ладно, будем считать, что эта карта не сыграла - по крайней мере, не сыграла, как козырная. Но все-таки я подставила Лоренцо не зря... а, говоря по-чести, я его именно подставила, хотя он, конечно, сам виноват, что позволил себя убить, а ведь считал себя профессионалом. Но, по крайней мере, это выманило твоих родителей из дома и отправило их охотиться за мной совсем в другое место, а мне дало возможность встретиться с тобой.

- Ты считаешь моих родителей маньяками и хочешь засадить их в тюрьму, а то и того хуже, - начал перечислять я, - сделать нас с Нелл сиротами, а то и вовсе разлучить. И ты надеешься, что я стану тебе помогать?!

- Так ведь ты не веришь, что мои подозрения - правда. Вот и помоги снять все обвинения. Достаточно всего одного теста ДНК. А если все-таки окажется, что... что твои родители убили множество людей, детей и взрослых, и не просто убили - жестоко замучили, самому младшему был всего годик - ты и тогда будешь их выгораживать? Неужели тебя это совсем не волнует?

- Меня волнует, чтобы не пострадала Нелл, - отрезал я, имея в виду моральные страдания, но Лили ухватилась за эту фразу:

- А кто тебе сказал, что сейчас она в безопасности - да и ты сам тоже? Здесь, в глуши, где о вас никто не знает, в полной власти парочки психопатов-садистов, убивших уже по меньшей мере 16 детей! Да - по какому-то капризу их больных мозгов для вас двоих они до сих пор делали исключение, но кто знает, как может переклинить их мозги в следующий раз? Кто знает, что творится в голове у психа?

- Ну ты уж точно знаешь, - саркастически усмехнулся я и добавил: - Сумасшедшая баба.

- Да, так меня называют за мое упорство, - невозмутимо кивнула она, - но на самом-то деле как раз я-то нормальная. Могу даже показать справку от психиатра. И... я обещаю тебе, что Нелл в любом случае не останется сиротой. Я ведь ее родная тетя. И я возьму ее к себе... возьму вас обоих.

Тут я просто расхохотался ей в лицо: - Да нам такая мамаша на хрен не сдалась!

- Ладно, - сказала она после паузы. - Но нам в любом случае надо узнать правду. Тебе тоже надо ее узнать, Джон. Неужели ты хочешь до конца своих дней жить с этим ужасным подозрением, так никогда не доказанным и не опровергнутым? Жить, притворяясь, жить, скрывая это от сестры, которая будет спрашивать, что тебя тревожит - вы ведь очень близки, она не сможет этого не заметить! - а ты будешь вынужден неубедительно врать ей, и она тоже поймет, что ты врешь и скрываешь от нее что-то очень плохое. Вы будете страдать в любом случае, вы оба. В то время как все можно закончить прямо сейчас. Очень может быть, что мои выводы все-таки ошибочны. Улики слишком косвенные. Только грузовик и то, что вы удочерили Нелл через три недели после исчезновения Дороти. А Лоренцо, возможно, и впрямь стал жертвой неисправной печи в заброшенном доме. Но, чтобы все это установить, нужен всего один тест ДНК. Если хочешь, я у тебя на глазах возьму кровь или выдерну волосы и у себя, чтоб ты не думал, что твоя сестра пострадает больше, чем я.

- Да мне плевать, что ты с собой сделаешь! Хоть на куски себя порежь! А у Нелл, пока я жив, ни один волос с головы не упадет, - вот уж, буквально.

- Ты забываешь... - ее тон сменился с убеждающего на угрожающий, - только, пожалуйста, не хватайся снова за пистолет, хорошо? Я уже объяснила, какие у тебя будут проблемы, если ты пустишь его в ход. Если я не вернусь, полиция узнает, куда я поехала, и твоя сестра останется без брата... надолго. Так вот, ты забываешь, что я уже знаю про Нелл - и про то, что она вам не родная, и что вы укрываете ее от властей. Если об этом узнают социальные службы, у вас будут большие неприятности даже и безотносительно обвинений в убийствах, - тут я понимал, что она не блефует, ведь и папа говорил о том же. - Так что лучше нам сотрудничать. Позволь мне взять образец у Нелл, и я от вас отстану. Только, сам понимаешь, я должна сделать это сама, чтобы быть уверенной, что мне не подсунули чужую кровь или волосы. Не беспокойся, я проходила курсы оказания первой помощи, так что взять немного крови из пальца, не причинив никакого вреда, уж как-нибудь сумею, все будет стерильно и аккуратно. А для Нелл, чтобы она не пугалась, придумай любое объяснение. Что это прививка от гриппа, например, ну или не знаю еще что. Она ведь тебе доверяет, ты сможешь ее убедить.

- Ты прямо охренительно похожа на медсестру! Явившуюся в три часа ночи.

- Я могу прийти утром, пока твои родители еще не вернулись. И даже надеть сестринскую форму - ну или, по крайней мере, похожую.

- Никто посторонний не должен входить в наш дом и видеться с Нелл, - твердо повторил я слова папы.

- Если не войду я, войдут другие. С ордером.

Я понимал, что соглашаться с ней ни в коем случае нельзя, но не мог придумать, как выкрутиться. Слишком поздно я смекнул, что дал ей необходимую зацепку в самом начале, когда на вопрос, люблю ли я сестру, ответил "конечно" вместо "какую еще сестру?" или, как учил меня папа, "я не разговариваю с посторонними". До этого все, что у нее было - это письмо от ассистентки дантиста, которое ничего не доказывало и могло оказаться таким же ложным следом, как и все предыдущие подобные письма... Все, что мне пришло с голову - надо тянуть время. А там, быть может, вернутся родители и все порешают.

- Утром не получится, - начал мямлить я, - вот если, скажем, попозже... - и тут, словно в ответ на мои мысли, далеко-далеко на шоссе появились две точки горящих фар. - Вот они! - воскликнул я. - Родители! Я же говорил, что они уже едут, а ты не верила!

Лили быстро обернулась через плечо.

- Черт, - пробормотала она и выключила фонарь, - не думала, что так скоро... Ладно, дай мне знак, когда они уедут снова. Скажем - привяжи какую-нибудь тряпку к антенне на крыше.

- Мне не разрешают лазить на крышу одному.

- Какой послушный маленький мальчик, - издевательски просюсюкала она. - Раз их не будет дома, то никто и не узнает. Делай, как я сказала, и не заставляй меня ждать слишком долго или я перейду к плану Б, - с этими словами она, подхватив фонарь, побежала вдоль шоссе прочь в противоположном фарам направлении, очевидно, туда, где оставила машину.

У меня вдруг возникло острое искушение выстрелить ей в спину, но я, разумеется, этого не сделал.

Несколько секунд я стоял, поджидая родителей - у меня почему-то была твердая уверенность, что они возвращаются вместе, как и уехали, и что вторую машину просто не видно за первой - пока меня не торкнуло: Нелл же по-прежнему дрыхнет в их спальне, и надо успеть эвакуировать ее оттуда! Или, подумал я в следующий момент, важнее дождаться родителей и отправиться с ними в погоню за Лили? Еще несколько секунд я простоял, не зная, на что решиться, пока не услышал из темноты позади, как завелся мотор ее машины, хотя фары она не включила - и у меня на миг возникла абсурдная уверенность, что она собирается пойти на таран, столкнуться с машиной родителей (знала ли она, что этих машин две?) лоб в лоб и тем закрыть сразу все вопросы. Но она, конечно, развернулась на 180 и лишь после этого врубила дальний свет и помчалась прочь. Тут меня, наконец, озарило самое мудрое решение - я запрыгал на месте, размахивая руками (что вряд ли можно было разглядеть в темноте) и, главное, заорал во всю глотку: "Папа, мама! Скорее сюда!" Нелл наверняка должна была проснуться от этого вопля и своевременно улизнуть из спальни.

Однако минуту спустя мимо меня на полной скорости пронесся какой-то незнакомый черный пикап, совсем не похожий на наш, и никакого "универсала". Случайный путник на ночном шоссе, где и днем-то редко кто ездил. Водитель, вообще-то, мог бы и поинтересоваться, не случилась ли какая беда у отчаянно размахивающего руками в ночной тьме парнишки, но, по счастью, он этого не сделал. Лишние свидетели мне было не нужны в любом случае.

Больше на дороге никого не было, и я вернулся в дом.

- Ты чего орал, как резаный свин? - приветствовала меня Нелл. Ну, такие у нас с ней были нежности - для подростка же нет греха страшнее, чем обвинение в сюсюканье и вообще сентиментальности.

- Показалось, что приехали родители. Но это были не они. Однако, знаешь что? Давай все-таки свалим отсюда. Мы почему-то решили, что они не могут вернуться ночью, а это ниоткуда не следует.

- Хмм... ну, пожалуй, - она сладко потянулась на широкой кровати, Х-образно вытягивая конечности и сжимая пальчики на руках и ногах, а затем окинула взглядом мою верхнюю одежду и зашнурованные ботинки (но прикрытый свитером пистолет она, очевидно, не

заметила). - А ты чего вообще выходил-то?

- Да так, - пожал плечами я. - Воздухом подышать.

"А ты будешь вынужден неубедительно врать ей", да-да.

Я поспешно повернулся к ней спиной и наклонился, как в детстве, когда изображал ковбойскую лошадь:

- Поехали, я тебя отвезу. А то пол холодный.

Он уж точно был не холоднее, чем снег на подъездной аллее, по которому мы бегали босиком, и вообще дома мы не ходили в обуви никогда в принципе, разве что в самые трескучие морозы натягивали шерстяные носки - но она тут же с готовностью забралась мне на спину, обхватив меня теплыми руками и ногами - я подхватил ее под коленками - и задышала мне в ухо, а ее волосы щекотали мою шею. Резво стуча ботинками, как заправский мустанг копытами, я прокатил ее туда и обратно по коридору и лишь потом свернул в ее спальню и плюхнулся задом на кровать.

- Джон, - прошептала она мне на ухо, прежде чем слезть, - ты самый лучший брат на свете, ты знаешь это?

- Слышал кое от кого, - проворчал я в ответ.

Никто, подумал я. Никто. Никогда. Не посмеет. Навредить. Моей. Нелл.

Потом мы перетащили мою кровать в ее спальню. Быстро вернуть ее, конечно, уже бы не получилось, но я подумал, что если мама и будет недовольна, увидев, что мы спим вместе, то папа одобрит. Как бы еще я мог защищать Нелл в самое опасное время?

Интуиция, как выяснилось, меня не подвела. Родители, точнее, папа и впрямь приехал этой ночью, хотя и ближе к рассвету. Я проснулся от звука мотора пикапа, когда он еще ехал по подъездной аллее. Потом знакомо скрипнула дверь, потом быстро затопали шаги - пожалуй, слишком быстро для человека, спокойно вернувшегося к себе домой. Ни второй машины, ни цокота материнских каблучков я так и не услышал, и у меня, как и в ночь пожара, мелькнула мысль - а что, если это вовсе не папа? Пистолет я так и не убрал в сейф, а оставил на придвинутом к кровати стуле, на который повесил свою одежду - и теперь протянул за ним руку. Шаги приближались по коридору, замерли возле моей спальни, которая была ближе к лестнице - очевидно, вошедший убедился, что там пусто - а затем двинулись дальше к нам. Я бросил быстрый взгляд на Нелл - она все еще спала безмятежным сном девочки, уверенной в своей полной безопасности. Знающей, что ее Защитник рядом и никому не даст ее в обиду.

В следующий миг дверь распахнулась - и я увидел в тусклом свете из коридора папу. А он увидел пистолет в моей руке, нацеленный ему в грудь. Впрочем, убедившись, что это он, я поспешно опустил оружие - и только тут заметил, что и в его опущенной правой руке тоже был ствол! Выходит, пистолет в сейфе был в доме не единственным?

Я указал отцу на Нелл и поднес палец к губам - тссс, не буди! Он понимающе кивнул и поманил меня пальцем. Я вылез из кровати и, в пижаме и со стволом в опущенной руке, пошел за ним.

Он провел меня в их с мамой спальню и зажег свет, окидывая взглядом комнату. Я делал то же самое - вроде бы мы с Нелл нигде не оставили следов своего не вполне законного пребывания. Если, конечно, не считать открытого сейфа.

- Был повод достать? - серьезно, без тени осуждения или насмешки, спросил папа, глядя на оружие в моей руке.

- Был.

- Стрелял?

- Нет.

- В доме и на участке кто-то есть, кроме нас?

- Нет.

Папа подошел к двери и запер ее, очевидно, не желая, чтобы нас услышала Нелл. Затем

требовательно протянул руку за моим оружием и убрал его в сейф, но не стал запирать замок.

- Рассказывай, - потребовал он.

- А где мама?

- Если еще не приезжала, то, очевидно, вернется позже. Мы с ней ездили в разные места... но, похоже, напрасно. Нас просто выманили из дома, и я слишком поздно это сообразил. А она, видимо, не сообразила до сих пор - вот вам и материнская интуиция... Так давай, рассказывай, что здесь было. Честно говоря, я уже не рассчитывал застать вас с Нелл целыми и невредимыми. Но, похоже, ты справился лучше, чем они могли ожидать.

Мне нужно было срочно делать выбор. Я мог довериться Лили, сказать: "Я увидел ночью, как какой-то тип рылся в нашем мусоре, и спугнул его", а потом позволить ей сделать этот самый "ДНК" и ждать результатов. Или я мог довериться отцу и рассказать ему все без утайки. Полуправда и лавирование тут уже не годились.

Я рассказал все.

Папа выслушал, не перебивая.

- М-да, - сказал он, наконец, - ловко она это все придумала. Эти чертовы сатанисты всегда умели пудрить людям мозги.

- Сатанисты?

Про сатанистов я слышал. Их в ту пору часто обсуждали в газетах (особенно провинциальных и не сильно респектабельных) и в ток-шоу по телевизору. Что будто бы их много по всей стране, они заманивают людей в свои ряды, а детей и молодых девушек похищают, заставляют участвовать в чудовищных ритуалах и даже приносят в жертву. В это верили многие серьезные люди, от психиатров до полицейских. До нас, правда, все эти страсти практически не доходили - мы никогда не ходили в церковь и не интересовались религией ни в положительном, ни в отрицательном смысле, газет не выписывали (хотя иногда почтальон кидал в ящик бесплатные, состоявшие преимущественно из рекламы) и разве что изредка натыкались на эти самые ток-шоу, которые нам с сестрой категорически не рекомендовалось смотреть. Мама говорила, что все это полная глупость, придуманная, чтобы пугать невежественных людей, но теперь я подумал, что она могла говорить так, чтобы не пугать меня и Нелл (особенно Нелл).

- Ну, они не совсем сатанисты, - пояснил папа. - В смысле, они поклоняются не христианскому Сатане. У них какой-то свой собственный божок, которого они не то придумали сами, не то откопали в каких-то древних манускриптах. В общем - ты, конечно, понимаешь, Джон, что все, что тебе наплела эта фанатичка про маньяков - неправда, иначе ты не рассказал бы все это мне, верно? Я всегда говорил, что ты умный парень. Но кое-что из этого - не просто чушь, а, так сказать, правда с точностью до наоборот. Теперь ты уже совсем взрослый, и пора уже рассказать тебе *всю* правду касательно Нелл. Только это такая правда, о которой никогда не должна узнать ни одна живая душа - включая, понятно, саму Нелл. Я уже предупреждал тебя, что нельзя говорить о ней с посторонними, но ты все-таки заговорил с этой Лили...

- Я...

- Не оправдывайся, сын! - он поднял ладонь. - Я тебя не осуждаю. Я понимаю, как ловко она развела тебя своими психологическими приемчиками. Я же говорю - они это умеют. Но ты должен извлечь из этого урок. Такое больше не должно повториться. Никогда. Иначе ты погубишь всех нас. Ты понял меня?

- Я понял, папа, - пролепетал я, со страхом ожидая, какую же правду он собирается мне открыть?

- Так вот. Ты знаешь, что, когда мы с мамой занимались транспортным бизнесом, то специализировались на доставке всяких экзотических грузов. Часто находя при этом отправителя для получателя или наоборот. Иногда таких, которые сами не желали, чтобы другая сторона узнала, кто они. То есть мы обеспечивали не только собственно перевозку от продавца покупателю, но и конфиденциальность всех участников сделки. Я понятно объясняю?

- Да, папа. "Конфиденциальность" значит "секретность", верно?

- Именно. Так вот, однажды нам поступил заказ, экзотический даже для нашего бизнеса. Некто хотел заполучить алтарь, на котором когда-либо совершались... реальные человеческие жертвоприношения. Не киношную декорацию - настоящий. Тебя, возможно, удивит, но такие алтари легально существуют здесь, в Америке. Это археологические находки, сделанные в храмах всяких ацтеков и майя. Правда, обычно такие вещи хранятся в музеях - чаще всего в запасниках, их не любят выставлять на глаза широкой публики - или же остаются в самих храмах, превращенных в исторические памятники, внутрь которых публику тоже не очень пускают. В общем, законно вывезти такую штуковину практически невозможно, да и физически, кстати, непросто - тяжеленный каменный монолит... Можно было бы изготовить точную копию, которую клиент вряд ли отличил бы от оригинала - но мы принципиально вели свой бизнес честно и клиентов не обманывали, какими бы экзотическими ни были их пожелания. На чем и держалась наша репутация. И в итоге нам повезло - мы как-то оказали весьма ценные услуги одной археологической экспедиции, работавшей в Мексике, и вот ее руководитель решил, что мировой науки не убудет, если одна из подобных ритуальных плит, ничем принципиально не отличающаяся от прочих и все равно обреченная навеки сгинуть в запасниках, принесет ему и нам заодно неплохую сумму денег. Мы, конечно же, полагали, что наш покупатель - просто сумасшедший коллекционер археологических редкостей, причем сумасшествие его носит столь же безобидный характер, как и у всех прочих коллекционеров. Но оказалось, что это не так. Далеко не так. Это была та самая секта, собиравшаяся принести жертву своему божку. Невинное дитя, как они говорили. Это должно было стать центральным событием всего их культа, примерно как распятие в христианстве - тоже, по сути, жертвоприношение - и они готовились к этому несколько лет. Представь себе, они даже не похитили этого несчастного ребенка. Эти извращенцы, двое членов секты - верховный жрец и верховная жрица - специально зачали, родили и растили девочку именно с этой целью! Догадываешься, кто была эта девочка?

- Только не Нелл!

- Лили ведь сказала тебе, какое имя они ей дали?

- Дороти.

- Вот именно. Доротея. Это греческое имя. Знаешь, что оно означает?

Я помотал головой. Греческий не входил в программу нашего домашнего обучения.

- Оно происходит от слов, означающих "дар" и "бог". Дар божий. Обычно это понимают в том смысле, что ребенок - это дар бога родителям. Но это ведь можно трактовать и с точностью до наоборот! Дар родителей богу. Нелл была предназначена на эту роль еще в утробе матери. Если эту чокнутую тварь можно назвать словом "мать"... Почему-то они сочли, что мы - их единомышленники. Наверное, потому, что вообще взялись за такой заказ. И гордо поделились с нами своими планами. Ты понимаешь наше положение? Мы не могли пойти в полицию. Планы этих уродов были недоказуемы. Пока девочка жива и здорова, им было нечего предъявить. Америка - свободная страна, в ней каждый вправе исповедовать ту религию, какую пожелает. А когда появился бы состав преступления, было бы уже слишком поздно. Поэтому единственным способом спасти Нелл было похитить ее у них. Вырвать из их лап. Мы хотели сделать это по-тихому. Не получилось. Пришлось стрелять. И да, мы убили их. Родителей Нелл, то есть главарей секты, и еще нескольких сектантов. Я не знаю, скольких именно, тем более, что умерли явно не все, кто-то был просто ранен. Но, вероятно, не меньше полудюжины, возможно, больше. Так что, если угодно, можешь считать нас серийными убийцами. С точки зрения закона, это так и есть. Но мы с мамой гордимся тем, что сделали, - он замолчал, давая мне переварить услышанное.

- Я тоже горжусь вами, папа! - сказал я.

- Но, как ты понимаешь, мы не могли перебить всех, - продолжал он. - Их было слишком много, и не все они были в одном месте. И вот уже десять лет они идут по нашему следу. Для

них это даже не вопрос мести, а вопрос принципа. Бог должен получить то, что ему предназначено - сколько бы лет ни прошло.

- Нет! - я почувствовал, как ногти впиваются в ладони стиснутых кулаков.

- Как ты понимаешь, мы не можем искать защиты у закона. Как это ни смешно, юридически наши враги по-прежнему ни в чем не виновны, а виновны мы - киднэпперы и убийцы. Но мы все же не были и беспомощной дичью, которая только убегает и прячется. Нам пришлось убить еще нескольких из тех, что пытались выйти на наш след. Понятно, что детей среди них не было, но женщины были, это да. Однако в итоге нам все же пришлось бежать из города и закрыть свой бизнес, обрубая все контакты, но, как видишь, теперь они нашли нас и здесь. Кстати, имя "Лили" происходит вовсе не от лилии. А от Лилит. Знаешь, кто это такая? Перводьяволица, "Мать демонов", суккуб. Один из самых древних образов зла, описанный еще в месопотамской клинописи.

- А что значат имена "Роуз" и "Джеральд"? - полюбопытствовал я. Не то чтобы это было, конечно, самым важным...

- Хм... это, должно быть, действительно просто имена, данные им при рождении. В секте их звали как-то по-другому, я не запомнил. Какая-то древневосточная тарабарщина.

- Лили говорила, что они никогда не интересовались религией и тем паче сектами.

- Ну естественно, а что, по-твоему, она должна была тебе сказать? "Они были главарями нашей секты, которая хотела принести в жертву твою сестру - помоги нам, пожалуйста, довести их дело до конца"?

- А зачем ей кровь и волосы Нелл?

- Так это ж яснее ясного! Кровь и волосы человека издавна использовались в оккультных ритуалах. Особенно в таких, цель которых - причинить этому человеку вред. Навести на него порчу, болезнь или смерть.

- Она сказала, что это для ДНК.

- Думаю, ДНК означает "Демоны Наступающего Конца"[14] или что-то в этом роде.

- Даже не думал, что ты так хорошо разбираешься во всей этой мистической хер... я хотел сказать, чепухе.

- Мамы здесь нет, сынок, так что можешь называть вещи своими именами, - подмигнул мне папа. - На самом деле, разумеется, все это действительно полная херня. Ничего сверхъестественного нет и быть не может. Зато есть чокнутые уроды, которые в это верят. Соответственно, пришлось и мне это изучить, как говорится - знай своего врага.

- Так что нам теперь делать, папа? Снова бежать, или драться?

- А что предпочел бы ты?

- Драться! - решительно заявил я. - Со всеми, кто смеет угрожать Нелл... и всей нашей семье!

- Мо́й сын, - удовлетворенно кивнул папа. - Хорошая новость состоит в том, что эта Лили-Лилит, по всей видимости, осталась последней. Судя по тому, что ей пришлось нанять в помощники этого итальянского мафиозо, как его там - Лорентино?

- Лоренцо. Гвидо Лоренцо.

- ... собственные сектанты у нее уже закончились, во всяком случае - боеспособные. Впрочем, и этот Лоренцо тоже оказался так себе бойцом. Примерно таким же, как и экспертом по старым машинам.

- Так это был он?

- А ты думал, кто?

- И... он правда умер от угарного газа?

- Ну, если так считает шериф, то кто мы такие, чтобы с ним спорить, верно? Одно могу

[14] В оригинале Demons of New Apocalypse (DNA)

сказать точно - перед смертью у него очень болела голова. А это как раз один из симптомов.

- А за нами теперь не будет охотиться итальянская мафия?

- Нет, это же не связано с делами их семей. Он решил подзаработать на стороне и полез в дела нашей. Вот и заработал... ожоги пятой степени.

- То есть наш последний враг - Лилит? - я впервые назвал ее так. - Достаточно разделаться с ней, и все закончится?

- Судя по всему, да.

- Она мне, похоже, решила доверять. Стоит мне подать сигнал - тряпку на антенне - и она явится прямо сюда.

- Боюсь, она все же слишком осторожна. Она наладила откуда-то наблюдение не только за антенной, но и за дорогой. Будет ждать, чтобы обе наши машины уехали. Это станет для нее гарантией.

- Значит, я должен справиться с ней один?

- Сможешь? - отец требовательно посмотрел на меня.

На этот вопрос надо было отвечать серьезно, без мальчишеской бравады. Поэтому я несколько секунд подумал, прежде чем ответил:

- Да, я смогу.

- Хорошо. Тогда то, что она считает своей гарантией, станет нашим алиби. Когда *это* случится, мы с мамой будем сидеть в городе в ресторане на глазах у свидетелей... Но все равно, надо тщательно все спланировать, чтобы не было никаких вопросов и к тебе и никаких обысков в нашем доме. Смерть Лоренцо была классическим несчастным случаем, но новых смертей и исчезновений вблизи нашего дома быть не должно. Никто не должен искать ее здесь.

- Она говорила, что если она не вернется, полиция узнает, куда она поехала, - припомнил я.

- Угу. Кстати, как думаешь, почему до сих пор она только пугала тебя полицией, но не обратилась к копам на самом деле?

- Она вообще невысокого мнения о копах, которые не очень-то ей верят.

- Именно. Потому что у нее недостаточно улик. Так что ее угрозы "прийти с ордером" - это блеф. Максимум - шериф заглянет и спросит, верно ли, что у нас живет девочка, которую никто не видел и на которую нет документов. А мы скажем - "Какая девочка? Заходите и посмотрите сами." А Нелл со всеми своими вещами будет в это время спокойно ждать на соседней ферме, той, что еще цела, пока он уберется... Но все равно, не хотелось бы ее тревожить - так?

- Конечно.

- Но если начнется расследование исчезновения самой Лилит, ситуация осложнится. Вопрос в том, как она намерена уведомить копов. И мне кажется, что она устроила это не в духе старых романов, типа там пакет, лежащий в сейфе у ее личного поверенного. Я вообще сомневаюсь, что у нее есть личный поверенный. Мне представляется, она сделала все гораздо проще. Она остановилась в мотеле где-то поблизости и оставила там на видном месте записку, которую найдут, если она и не выпишется, и не оплатит очередную ночь. Кто-кто, а владельцы дешевых мотелей и минуты лишней ждать не будут, чтобы выставить постояльца-неплательщика. Надежнее любых адвокатов. Она только не учитывает, что найти этот мотель будет не слишком сложно. А ключ от ее номера будет у нее, а стало быть, и у нас, в кармане. Это же мотель, а не респектабельная гостиница, где ключ при уходе оставляют портье. Теперь что касается способа. Пистолет не годится, как и колюще-режущие предметы. Нам нужно, чтобы ее одежда осталась целой и без следов крови - как, кстати, нам не нужны такие следы и вообще нигде на нашей ферме...

Тем временем уже рассвело, и из коридора донесся голосок Нелл: "Джо-он? Ты где?"

- Тут я! - крикнул я сквозь дверь. - Папа приехал! Мы тут с ним про оружие базарим, - я

помнил, что эта тема ей неинтересна, так что даже не нужно было врать.

- А-а, ну ладно. А мама?

- Мама попозже подъедет!

- Тогда давайте я вам завтрак приготовлю, раз ее пока нет.

- Отличная идея, дочка! - одобрил папа.

До вечера мама так и не приехала, и я здорово за нее беспокоился. Если их с папой куда-то заманивали специально, и папа это вовремя понял и повернул, а мама нет... Но к вечеру уже следующего дня она все-таки вернулась, усталая и сердитая, но целая и невредимая. Видимо, папа был прав - у Лили больше не осталось боеспособных сподвижников.

Мама поговорила с папой, а потом со мной. Теперь я знал, что делать.

На следующий день ближе к вечеру родители снова уехали на двух машинах. Папа сказал, что у пикапа что-то барахлит электрика, так что он отгонит его в мастерскую, потом они с мамой пойдут в ресторан и вернутся домой на "универсале". Все это с легкими улыбками говорилось при Нелл, но я-то понимал истинный смысл - в случае чего их алиби подтвердят и автомеханик, и официант, и кто там еще в ресторане ведет запись заказанных столиков.

После того, как я привязал к антенне на крыше рубашку, извлеченную из корзины с грязным бельем, ждать долго не пришлось. Солнце уже зашло, но еще не стемнело, и я хорошо разглядел подъехавший к воротам темно-синий "меркьюри кугуар" - не новый, но с мощным мотором. Ворота были приглашающе открыты (впервые за все время нашей жизни на ферме), и Лили (если это была она - ну а кто же еще?) не преминула заехать внутрь.

Когда она остановилась возле дома и выбралась из машины (это действительно была она, и из-под ее короткой куртки и впрямь виднелось белое форменное платье медсестры, а на плече висела довольно медицинского вида сумка), я выскочил на крыльцо, пылая яростью.

- Ты! - крикнул я, обвиняюще тыча в нее пальцем (пистолета у меня на сей раз при себе не было). - Это все ты виновата! Ведьма! Сатанистка! Ты хотела крови Нелл - и вот пожалуйста! У нее идет кровь, и не останавливается! Родителей нет дома, телефон не работает, Нелл в истерике, я не знаю, что делать!

- Успокойся и не кричи, - веско произнесла Лили. - Откуда идет кровь? Из носа?

- Нет, - потупился я. - Из... другого места.

- Ясно. Ничего страшного, это и есть те месячные, о которых я говорила.

- Ага, сама признаешься! Это ты напустила порчу на Нелл!

- Да послушай ты спокойно! Это совершенно нормально, бывает у всех женщин, кроме маленьких девочек и старух. Просто Нелл больше не маленькая девочка, ее можно поздравить.

- И почему же это "нормальное" началось именно тогда, когда оно понадобилось тебе, а? - прищурился я.

- Просто так совпало, - пожала плечами она. - Веди меня к ней, я ее успокою. У меня даже есть с собой тампон, - она коснулась своей сумки. - Ну и... возьму то, за чем пришла. Все к лучшему, теперь уже не придется колоть никакие пальцы.

Я проводил ее на второй этаж и открыл дверь спальни сестры, пропуская Лили вперед. В полумраке комнаты (шторы, понятно, были задернуты, а свет выключен) было видно, что Нелл лежит на кровати, отвернувшись носом к стенке и укрывшись одеялом так, что снаружи остались только ее светлые кучерявые волосы. Из-под одеяла доносились жалобные всхлипывания. Под кроватью прямо на полу валялись трусики Нелл, на которых расплылось большое темно-красное пятно.

- Дороти, не бойся, с тобой все в порядке! Я тетя Лили, я помогу тебе! - сказала она, словно разом забыв о своей роли медсестры.

- Э, э! - возмутился я. - Мою сестру зовут Нелл, и никаких "Дороти"! Тебе надо это? - я поднял трусики с пола и сунул их Лили.

- Да, это подойдет,, - он взяла их, - но мне все же надо убедиться, что это действительно

кровь... Нелл, а не... - говоря это, она подносила трусики ближе к носу. - Что за странный запах?

И тут я левой рукой схватил ее за затылок, а правой резко прижал трусики к ее лицу - и тут же, сместившись ей за спину, всем корпусом толкнул ее вперед, на кровать, и повалился сверху сам. Она упала на мягкое, бывшее одеялом поверх других одеял, свернутых в форме человеческой фигуры, и увязла в этом мягком, мешающем бороться и, главное, не дающем вдохнуть чистого воздуха, отстраниться от мокрой ткани, зажимавшей теперь ее нос и рот. Красное на этой ткани было, конечно же, не кровью, а химическим красителем, а главное вещество было и вовсе бесцветным. Однако ни один респираторно вводимый препарат (это я от мамы таким словам научился!) не вырубает человека мгновенно (в фильмах часто показывают иное, но это туфта), так что она пыталась вырваться из-под меня почти минуту, и пару раз весьма больно засветила мне локтем в ребра. но постепенно ее усилия слабели, и в конце концов она перестала дрыгаться.

Я сбросил одеяло и выключил спрятанный под ним возле стенки магнитофон. Мама очень натурально изобразила эти жалобные всхлипы (ну то есть я думаю, что это была мама, потому что, если это была не она, то откуда у нас эта запись?) Парик, надетый на голову старого плюшевого мишки, на самом деле не очень походил на волосы Нелл - у нее не такие мелкие кудряшки и цвет более насыщенный - золотой, а не соломенный (у мамы оказалась целая куча разных париков, но ни один не подходил точно) - однако Лили ведь никогда раньше не видела мою сестру (ну, по крайней мере, 13-летней), да и в сумраке трудно было различить.

Еще под одеялом лежал большой пластиковый пакет и катушка скотча. Первым делом я на всякий случай - вдруг очухается? - крепко связал Лили руки скотчем за спиной. Папа предлагал мне этим и ограничиться - вырубить ее, связать и ждать возвращения родителей. Но я видел слишком много фильмов, где связанный злодей (или герой, в данном случае неважно) умудрялся освободиться, сбежать или напасть на своих пленителей. Я не мог так рисковать, особенно когда речь шла о безопасности Нелл. Я натянул пакет на голову бесчувственной Лили и зафиксировал горловину скотчем на шее, не оставив ни малейшей щелочки для воздуха - а затем уселся смотреть, как она задыхается. Это оказалось довольно любопытное зрелище - пластик пакета то втягивался ей в рот и прижимался к ноздрям, то, наоборот, пузырем выдувался наружу, с каждым разом все резче и сильнее. Про кислород и углекислый газ в моем домашнем обучении было, но я думал, что весь вдохнутый кислород превращается в углекислый газ сразу, за один вдох-выдох, а оказалось, что нет, это постепенный процесс, и занимает он несколько минут. Умерла она на вдохе. Пластик остался глубоко в разинутом рту и туго обтянул ее застывшее лицо.

Я проверил пульс на шее, как учил меня папа, убедился, что все кончено, и пошел звонить родителям. Я знал, что телефон снова работает - это папа отключал его в прошлый раз, когда мы оставались одни, из опасения, что, случись что, я или Нелл (особенно Нелл) можем запаниковать и позвонить в полицию, или же наш враг позвонит нам и облапошит нас, притворившись, к примеру, тем же полицейским. Судя по тому, что Лили знала про неработавший телефон - она как раз пыталась проделать подобное и не преуспела.

Номер ресторана был написан на листке, лежавшем рядом с аппаратом. Я позвонил и, когда папу позвали к телефону, сказал условную фразу - "купите в городе лампочек, а то у нас перегорела". "Хорошо, - ответил он, - зайдем в магазин, пока он не закрылся." Это означало, что они скоро приедут.

Затем я слазил на крышу и отвязал рубашку, чтобы не привлекала ничьего внимания. Стемнело, и уже едва ли кто-то из случайно проезжающих по шоссе смог бы различить машину Лили перед входом. Накануне, когда мы все планировали, я предлагал папе загнать ее в гараж, но он сказал, что поучит меня водить в другой раз, а пока лучше не рисковать, что я где-то оставлю свой отпечаток.

Я был один в пустом ночном доме с трупом, и мне было ничуть не страшно. Я знал, что

никаких призраков не бывает. А, да. Где все это время находилась Нелл. В подвале соседней фермы, где и предлагал ее прятать папа в случае визита шерифа. Развести ее на "слабо́" оказалось несложно, хотя чаще это она разводила меня (но не потому, что я такой наивный, а потому, что мне было приятно ей поддаваться). Я спросил ее, знает ли она, почему у нас нет соседей. Она ответила то, что говорил нам папа - мол, никто не покупает заброшенные фермы, потому что это невыгодно. "Нет, - зловещим тоном ответил я, - потому что в подвале того дома, что справа, живет призрак! Мне папа рассказал, в городе все про это знают, потому и не покупают его." Нелл, конечно же, сказала, что это полная чушь. и что она уже не маленькая, чтобы в такое верить. "Ах, так?" - возмутился я. Ну и дальше, понятно, последовало пари - если она просидит в этом подвале одна безвылазно от заката до рассвета, то я буду месяц прибираться в ее комнате. Ну а если не выдержит, то, понятно, она в моей (надо сказать, заниматься уборкой мы оба чертовски не любили, и мама вечно ругала нас за бардак в наших комнатах). После того, как она спустится в подвал, я наклею на край люка бумажку, и если утром, когда я вернусь, она останется неразорванной - значит, условие выполнено. Что до родителей, которые, конечно, запрещали нам выходить с территории фермы и уж тем более лазить по соседним заброшенным домам, то они вернутся из ресторана поздно и сразу пойдут спать, а рано утром она уже вернется, так что они не заметят ее отсутствия (на самом-то деле, понятно, весь план был с ними согласован, и папа сам проверил, что подвал вполне безопасен - никакая ступенька не подломится, и на голову ничего не свалится). "Да знаю я тебя, ты подкрадешься и будешь завывать, будто ты призрак!" Я поклялся страшной клятвой этого не делать и вообще не приближаться к тому дому до тех пор, пока не придет пора ее выпустить. "Да если и приблизишься, я все равно буду знать, что это ты. Так что уже можешь начинать готовиться к роли моей личной горничной." - "От личной горничной слышу!" Чтобы не замерзнуть ноябрьской ночью в подвале неотапливаемого дома, она оделась в зимнюю одежду и взяла с собой шерстяные одеяла, а также термос с горячим чаем. В качестве туалета приходилось использовать ведро с крышкой, но что поделать - пари есть пари. Чтобы не скучать в темноте и одиночестве, она взяла с собой свой кассетный Walkman; войдя в раж, я чуть было не стал с этим спорить - мол, конечно ей не будет страшно, если она просидит всю ночь в наушниках, слушая музыку! - но вовремя вспомнил, что моя цель вовсе не в том, чтобы напугать ее.

Так вот, пока Нелл дрожала от страха перед призраками во тьме соседнего подвала (хотя, скорее, ехидно предвкушала, как будет бросать на пол фантики и приказывать: "Джон, подбери!" - пару раз потом она и впрямь проделывала подобное, чтобы наказать меня за неверие в ее храбрость, но потом великодушно даровала мне вольную), вернулись родители. В карманах Лили они обнаружили ключ от номера в мотеле (кстати, был у нее при себе и пистолет, и даже наручники - я в одиночку завалил отнюдь не "просто немолодую тетку"), а в бардачке ее машины - целый ворох чеков из магазинчиков при заправках (надо полагать, она вела учет своим дорожным расходам, поэтому не выбрасывала их сразу). Два последних были из одного и того же места, и папа сказал, что знает эту заправку - там как раз напротив мотель. Потом мама надела одежду Лили, покрасила волосы в ее цвет и завязала их в хвост, как у нее. Лица у них были не очень похожи - мамино тоже узкое и длинное, но гораздо более изящное, с тонкими чертами, и к тому же Лили была ниже ростом. Но кто будет присматриваться, особенно если натянуть козырек бейсболки на самые глаза, чуть сутулиться и чуть подгибать колени? Уж точно не ночной дежурный мотеля или продавец придорожного магазинчика. Если кто когда и будет их опрашивать, они дадут описание, вполне подходящее к Лили.

Я не присутствовал, когда родители раздевали ее труп (да у меня и не было никакого желания смотреть на нее ни голую, ни в нижнем белье, которое они в итоге на ней оставили), но папа потом позвал меня и показал ее татуировку - змея, обвивающая плечо[15] и кусающая себя за

[15] Имеется в виду часть руки выше локтя (upper arm).

хвост. Он сказал, что это Уроборос, символ их секты.

Потом они запаковали тело в большой пластиковый мешок, уложили его в багажник "меркьюри" и уехали - мама на машине Лили, папа, чуть погодя - на нашем "универсале". Что они в итоге сделали с трупом, я не знаю - папа сказал лишь, чтобы я не беспокоился, его никто и никогда не найдет. А машину мама отогнала в другой штат - точнее, первым делом она приехала в тот самый мотель и зашла в номер (ключ подошел, подтвердив правильность догадки), где, как и предполагал папа, обнаружила на столе конверт, записку и пять бумажек по $10. В записке было сказано: "Если вы читаете это, значит, я стала жертвой преступников. Пожалуйста, отошлите или отнесите этот конверт в полицию. Вот вам компенсация за хлопоты." "Все просчитала, да, - с усмешкой рассказывала потом мама, - даже то, что девять из десяти владельцев таких клоповников предпочтут сжечь такой конверт и не париться, чтобы потом не тягали как свидетеля. Решила, что полсотни баксов это перевесят. Одно только не учла." Потом мама выписалась из мотеля. Ночной дежурный принял у нее ключ, даже не взглянув на нее. Скорее всего, настоящую Лили он вообще не видел - она въехала днем, когда была не его смена.

Ну а после этого мама ехала почти всю ночь и под утро зарегистрировалась под именем Лили в другом мотеле ("последнее известное место пребывания" - в другом штате, почти в четырех сотнях миль от нашего дома). Отдохнув (папа спал в своей машине, чтобы не светиться), она поехала дальше и в итоге оставила "меркьюри" в плохом районе - в черном гетто, где, как она сказала, брошенную без присмотра машину чужака наверняка быстро угонят и потом вообще никогда не найдут - а если найдут, и если Лили вообще кто-то будет искать (а, судя по всему, заявить об ее исчезновении было некому - иначе ей не пришлось бы доверять свое письмо честности незнакомого работника мотеля), то след ее оборвется в этом районе, и ее исчезновение свяжут с его плохой репутацией. Папа тут же подобрал маму, и они вдвоем вернулись домой.

Приехали они только следующей ночью, отмотав в итоге туда и обратно около тысячи миль, так что, когда я выпускал Нелл (измученную не страхом и даже не холодом, а скукой, поскольку в плеере сели батарейки), то пришлось сообщить ей, что родители приезжали и снова уехали, даже не заметив ее отсутствия, и теперь будут только к вечеру или, может, следующим утром. Но Нелл была так горда собой и довольна своей победой, что не стала задавать никаких вопросов, тем паче что я сообщил об этом небрежным тоном, демонстрировавшим, что причин беспокоиться нет. Какие-то скучные взрослые дела, не более чем.

На следующий день к нам приехала полиция.

То есть это была машина все того же шерифа, о котором Лили была столь невысокого мнения (да и папа, похоже, тоже), но, признаюсь, я здорово перетрусил, когда увидел ее в окно (мы как раз всей семьей сидели за обедом).

- Все в порядке, - сказал папа, поднимаясь из-за стола. - Он сюда не войдет. У него нет ордера. Он приехал задать пару вопросов. Я с ним поговорю, и он уедет.

Я услышал, как он громко крикнул с крыльца: "Проходите, шериф! Извините, что не иду открыть вам ворота - мы тут как раз обедаем!" В окно было видно, как шериф, которого Лили не без основания называла толстозадым, неуклюже протиснулся под косой перекладиной ворот и, поправив шляпу, зашагал к дому. Когда он скрылся из виду за краем окна, но в дом, как и обещал папа, не вошел - очевидно, они начали разговор на крыльце - я вдруг выскользнул из-за стола и, прежде чем мама успела меня остановить, на цыпочках побежал в переднюю. Мне необходимо было услышать, о чем они будут говорить - пойдет ли, в частности, речь обо мне или, возможно, о Нелл. Я боялся, что папа может потом не сказать мне всей правды. Я должен был услышать все сам.

Подбежав к входной двери, я прижался к ней ухом. Отвертки у меня на сей раз не было, но слышно было и так.

-... личность этого вашего бомжа-поджигателя. Некто Гвидо Лоренцо, и оказалось, что это

был никакой не бомж, а частный детектив. Вот его фото. Не видали его тут поблизости - я имею в виду, понятно, когда он был еще жив?

- Да, припоминаю. Наведывался к нам за несколько дней до пожара, уже не скажу, за сколько именно. Предлагал купить у нас старый пикап, вон тот ржавый. Предлагал деньги, которых этот металлолом точно не стоит, и при этом пытался выдать себя за знатока старых грузовиков, которым явно не был. Я решил, что это какой-то мошенник, и велел ему проваливать. Ну, вы знаете, как говорят - "если вам кажется, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, так оно и есть". С тех пор мы его больше не видели. Вы уверены, что он и впрямь детектив?

- Ну, во всяком случае, лицензия у него была. И одна, гм, особа настаивала, что это она наняла его следить за вашим домом.

- Следить за нашим домом?! - повторил папа тоном изумленного возмущения. - Такое вообще законно?

- Проникая при этом на чужую собственность - точно нет. Но эти частники вообще часто ходят по самой грани закона... или уже за ней. А как по-вашему, у кого-то могли быть причины за вами следить?

- Понятия не имею. У грабителей? Но мы не настолько богаты. Спросите лучше эту особу. Мне бы самому хотелось знать ответ на этот вопрос.

- Спрошу, если она снова наведается в мой офис. Откровенно говоря, она вообще не внушила мне доверия. Показалась вообще малость того, ну, вы понимаете. Я сперва и беспокоить вас не хотел из-за ее измышлений, но после того, как подтвердилось названное ею имя, сами понимаете - должен произвести проверку.

- Конечно, шериф.

- Так вам ничего больше не известно об обстоятельствах смерти этого Лоренцо?

- Нет, говорю же, после разговора о пикапе мы его больше не видели, а кто он такой, я вообще впервые узнал от вас. Откровенно говоря, я был с ним груб, но только словесно. Пальцем его не тронул, просто велел убираться - он даже не подходил близко к крыльцу, да и было это за несколько дней до его смерти. А что, есть основания подозревать, что его убил не угарный газ, а кто-то еще?

- Да нет, в общем-то, нет таких оснований. Найдена его машина, в паре миль отсюда за кустами на обочине - но нет никаких признаков, что ее туда отогнал злоумышленник. Скорее всего, Лоренцо сам оставил ее там и проделал остаток пути пешком, чтобы не привлекать внимания шумом мотора и светом фар. Все отпечатки в салоне - только его. Да и убийца, желающий избавиться от машины жертвы, очевидно, уехал бы на ней куда дальше и спрятал бы ее получше.

- В точку, шериф.

- Но вы тоже будьте осторожней. Кто знает, что на уме у этой ненормальной, которая непонятно почему решила устроить за вами слежку. Приперлась сюда через полстраны, представьте себе... Вы ведь не жили прежде в Калифорнии?

- Никогда, шериф. Мы вообще консерваторы и не любители тамошних нравов.

- Вот уж точно. Так, если заметите еще какую-то подозрительную активность возле вашего дома - звоните мне.

- Непременно, шериф.

- Ну ладно, поеду. Извините, что оторвал от обеда. Понимаю, семейные трапезы - это святое. Передайте привет Джоан, - мне на миг послышалось "Джону", и мое уже успокоившееся было сердце снова испуганно встрепенулось, но я тут же понял, что он имел в виду маму.

- А вы - Мэри, - столь же любезно ответил папа. - Хорошего дня, шериф.

Я едва успел отдернуть ухо от двери, прежде чем она открылась - но, конечно, не успел убежать обратно в столовую.

- Ты что здесь делаешь? - рассердился папа.

- Он сказал - частный детектив, а не мафиозо! - контратаковал я.

- А ты думаешь, мафиозо так уж трудно купить лицензию частного детектива? Джон, - смягчился вдруг он, - ты уже выполнил чертовски сложную и ответственную задачу, и мы с мамой это ценим, но, пожалуйста, соблюдай субординацию и не мешай мне улаживать вопросы с властями!

- Да, папа.

Тем, собственно, все и кончилось. Шериф больше не приезжал, и никаких вопросов о Лили никто никогда не задавал.

Единственный допрос, если можно так выразиться, мне устроила Нелл, от которой, конечно, не укрылся мой испуг за обедом. Как только мы остались наедине, она потребовала объяснений.

- Нуу... - промямлил я, - вообще-то наш поход на соседнюю ферму - это незаконное проникновение на чужую собственность. Вот я и подумал, вдруг кто-то нас видел и настучал шерифу, и он приезжал из-за этого.

- Так ты говорил, что я забоюсь призраков, - возмутилась Нелл, - а на самом-то деле кто из нас трусишка?!

- Да я же не за себя, а за тебя боялся! - воскликнул я. - Я-то пришел и ушел, а ты там целую ночь просидела!

- Ко-ко-ко-ко-ко! - издевательски закудахтала она, изображая руками цыплячьи крылышки. - Не подлизывайся! Вот будешь теперь месяц драить мою комнату, как миленький!

На самом деле, как я уже говорил, через несколько дней я был амнистирован. Точнее, Нелл сама присоединилась ко мне во время уборки, и с тех пор мы всегда убирали обе комнаты вместе, а не каждый свою. Вдвоем это оказалось почти так же весело, как и все, что мы делали вдвоем. "Не так важно, что ты делаешь, - резюмировала Нелл, - как - с кем!" "И ради кого!" - добавил я.

И ради кого.

Не то чтобы я, конечно, никогда не сомневался в версии про оккультную секту. Особенно потом, когда узнал, что ДНК - это вовсе не "Демоны Неизбежного Конца". А татуировка в виде змея была ничуть не более веским доказательством, чем наличие у моих родителей грузовика.

Но и не менее веским. Папа ведь не сказал, что ДНК - это демоны. Он сказал "Я *думаю*, что это расшифровывается так." Он на тот момент просто не знал, что это такое, как не знало и абсолютное большинство людей. А в том, что сектанты, которым важно было принести в жертву не абы кого, а ту самую Доротею, использовали для ее поиска самые передовые достижения науки, тоже нет ничего удивительного. Это же не амиши какие-нибудь. Сектанты могут быть и вполне продвинутыми, использующими прогресс технологий в своих целях.

В то же время, история о том, как всего два человека истребили целую секту - не разрозненных по всей стране, ничего не подозревающих мирных бедолаг, а агрессивную организацию, притом целенаправленно охотившуюся за ними... Нет, я, конечно, читал кучу комиксов, где герои проделывали и не такое, и даже и вовсе в одиночку. Но даже в свои 14 и при полном отсутствии опыта жизни во внешнем мире я все-таки догадывался, что комиксы не вполне точно отражают реальность. Впрочем - фанатичная вера в какого-то месопотамского божка еще не делает ее адептов крутыми спецназовцами, не так ли?

Но, на самом деле, все это не имело значения.

Значение имела Нелл. И только она.

Если предположить хоть на миг, ну хотя бы теоретически, что Лили была права - то кому нужна была ее правда, ее торжество справедливости? Мертвецам, которых уже не воскресить? Потенциальным новым жертвам, которых спасло бы это разоблачение? Так их не было с 1979 года, грузовик продан, дело закрыто. Борьба Лили имела бы смысл, если бы правда была нужна

единственной выжившей жертве. Но что делать, когда счастье этой жертвы возможно только в том случае, что справедливость НИКОГДА не восторжествует и убийцы ее настоящих родителей никогда не будут разоблачены и наказаны?

Я не мог рисковать. Я не мог допустить этой правды, не важно, в кавычках или без, которая была даже страшнее, чем прямая физическая угроза, исходящая от сумасшедшей сектантки. Я спасал не родителей, и даже не самого себя. А мою любимую сестренку. И я ее спас.

С тех пор прошло ровно 40 лет. Сейчас 2026 год.

Нелл в конце концов, уже совершеннолетней, удалось получить нормальные документы, и она до сих пор не задумывается о том, почему все детство мы прятали ее от мира. "Свидетельство о рождении затерялось при переезде" - объяснение, которое в итоге устроило всех.

Наша мечта создать свою группу не сбылась. Гитару я в итоге таки забросил, и Джими Хендрикс из меня не вышел (что и к лучшему, учитывая, что он умер в 27 лет, захлебнувшись собственной блевотиной). Зато вышел вполне себе неплохой радиоинженер, впоследствии ставший работать на компанию, строящую инфраструктуру сотовой связи. С этой работой мне пришлось изрядно поездить по стране, до Аляски включительно. Сейчас отрасль переживает новый бум - 5G, все дела.

Нелл тоже отучилась в колледже (все-таки наше домашнее образование оказалось достаточно хорошим, чтобы продолжить учебу), только не техническом, а изящных искусств, и довольно долго жила в большом городе, но, в отличие от меня, так и осталась домоседкой. Она не стала прославленной художницей, из тех, чьи картины выставляют в музеях (впрочем, видел я то, что выставляют там сейчас - я в 5 лет рисовал лучше!), но вполне неплохо зарабатывает, рисуя комиксы и обложки для различных издательств. Она и сейчас продолжает писать красивые стихи в добротной классической манере, но кому в наше время нужны стихи?

Замуж она так и не вышла, к чему никогда и не стремилась. Я тоже ни разу не женился, о чем также ничуть не жалею. Все женщины, пытавшиеся завязать со мной отношения (это всегда происходило по их инициативе), в итоге так и оставались для меня чужими.

Мы с Нелл часто общаемся по интернету, но редко видимся лично. Особенно с тех пор, как она купила домик на берегу Атлантики, в то время как главный офис моей компании - на Западном побережье. Казалось бы, какая разница, особенно при современном качестве связи, видеть человека на экране или в своей комнате? Но нет, разница есть. Нелл предлагает мне снова съехаться и жить вместе, как в детстве - только теперь уже вдвоем, только я и она. Наверное, мы так и сделаем. Все равно никого ближе друг друга у нас нет, не было и теперь уже точно не будет. Вот только решим, кто переберется к кому. Я говорю ей, что у нас красивее пейзажи, что она должна ценить, как художница, а она отвечает, что у нас слишком холодное море и слишком много народу. Наверное, в итоге я уступлю ей. Совсем не обязательно дорабатывать до пенсии. В моем возрасте уже не так весело мотаться в командировки по всей стране, а всех денег все равно не заработаешь. Того, что у нас уже есть, хватит на скромную жизнь вдвоем. И мне всегда нравилось ей уступать.

Одно могу сказать точно - на ферму нашего детства мы больше никогда не вернемся. Того дома больше нет, та земля уже не наша, да и делать в тех краях нечего. Слишком там уныло и скучно - однообразная плоская равнина, ни моря, ни гор, ни даже лесов. Нелл теперь вообще не мыслит жизни без моря, которого была лишена все свое детство. Жизнь там казалась нам раем только потому, что мы не знали альтернатив.

В последний раз я был в том доме уже после смерти родителей. Отец застрелился, когда ему диагностировали болезнь Альцхаймера, все еще сохраняя здравый рассудок, и это меня ничуть не удивило. Он всегда говорил, что из жизни надо уходить мужчиной, а не овощем. Обстоятельств смерти мамы я не знаю. Она пропала без вести в том же году, спустя... какое-то

время после его смерти. Какое, не знает никто. Просто как-то мне позвонила Нелл и сказала, что мама уже несколько дней не отвечает на ее звонки, сообщения на автоответчике и SMS. Сам я не звонил матери уже давно - не берусь даже сказать, сколько - будучи загружен работой, да и, откровенно говоря, не чувствуя потребности. Не звонит сама - ну и ладно. И даже и Нелл тоже звонила ей далеко не каждый день. Когда я понял, что проблема, по-видимому, серьезная, я позвонил в офис тамошнего шерифа (это давно уже был, конечно, не тот толстозадый) и попросил проверить, в порядке ли миссис такая-то. Помощник шерифа, прибыв на место, обнаружил, что дом пуст. Судя по лежавшей повсюду пыли (а мама, с ее химическим бэкграундом, ненавидела пыль, грязь и беспорядок), пустовал он уже не одну неделю. Мобильник со всеми неотвеченными звонками и сообщениями лежал на столе в столовой, подключенный к зарядному устройству. Автомобиль стоял в гараже с севшим аккумулятором. В холодильнике еще оставалось немного продуктов. Ни следов взлома или насилия, ни каких-либо записок не было. Все выглядело так, словно она ушла из дома сама, пешком, в одежде и обуви, адекватных погоде (был сентябрь), но куда и зачем? Никаких диагнозов, связанных с деменцией или иными психическими отклонениями, ей, в отличие от отца, не ставили - но это ничего не доказывало, поскольку она никогда и не обследовалась. В последних телефонных разговорах со мной и Нелл она тоже больной не казалась - но это тоже ничего не значит, ведь мы не психиатры.

Ее так никогда и не нашли - ни живой, ни мертвой. Семь лет спустя она была признана умершей по суду. И вот, с этим постановлением суда (и с доверенностью от Нелл) на руках, я получил, наконец, возможность продать наши участки (все три - отец, еще будучи в здравом уме, таки официально "выкупил у ООО" остальные два) добравшемуся и до этой глухомани застройщику (даже не знаю, что там построили в итоге - можно посмотреть на картах "гугла", но мне лень). Но прежде, чем поставить последнюю подпись, я все-таки решил съездить в дом своего детства в последний раз.

Не из сентиментальных соображений. Но и не из рациональных тоже. Даже не знаю, что именно я ожидал там обнаружить. Так... на всякий случай. Подобно тому, как окидывает взглядом гостиничный номер постоялец, прежде чем выписаться из него навсегда.

Нелл я ничего не говорил об этой поездке.

Я обошел все комнаты (хотя и знал, что там нет ничего интересного), затем обследовал чердак и, наконец, подвал. В подвале, под грудой прочего старого хлама, я и нашел это.

Сперва - кинопроектор и старую 16-мм кинокамеру, из тех времен, когда еще не было не то что цифровой техники, но даже видеомагнитофонов. Я никогда не знал, что в нашем доме есть подобное. Что кто-либо из моих родителей вообще когда-либо занимался киносъемкой. Все фильмы мы всегда смотрели только по телевизору (потом появился видеомагнитофон, подключаемый к тому же, точнее, более новому телевизору, потом, уже после нашего отъезда на учебу, родители обзавелись компьютерами, но никогда никаких проекторов). Ну а в самом низу всей кучи хлама была большая картонная коробка с бобинами отснятой пленки.

Все они были подписаны, но там не было ни названий, ни имен, ни дат. Только номера - от 1 до 21. При этом лежали они не по порядку. Вероятно - сверху остались те, которые пересматривали чаще.

Проще всего, конечно, было решить, что все это осталось здесь еще от предыдущих жильцов. Семейные торжества и сельские праздники откуда-нибудь из 1960-х. Но я слишком хорошо помнил, что в 1979, когда сразу после переезда мы с Нелл обследовали подвал со всем энтузиазмом детей, дорвавшихся до новых игрушек (хотя как раз игрушек, которые мы надеялись обнаружить, в подвале не оказалось), ничего этого здесь не было. За нами тогда присматривал папа - на всякий случай, чтобы мы не напоролись на какой-нибудь ржавый гвоздь или на дохлую или, хуже того, живую крысу - но он лишь обеспечивал безопасность наших исследований, а им самим не препятствовал. То есть не запрещал прямо "в тот угол не

заглядывайте!" и не пытался отвлечь наше внимание от того угла. Мы тогда очень методично перерыли все старое барахло и пропустить ни такую большую коробку, ни проектор точно не могли.

Тогда что же? Позже родители прикупили все это старье на какой-нибудь гаражной распродаже? Одолела ностальгия по молодости? Может, это сделал отец, когда уже начал терять память и соображение, в какой эпохе находится?

21. Кто, в какую эпоху, помечает записи домашнего видео одними лишь номерами?

"Мне удалось найти 17 подтвержденных случаев, но, возможно, на самом деле их было больше."

"Рано или поздно многие из них... насыщаются. Собирают коллекцию трофеев, которую считают достаточной, и решают больше не рисковать, ограничиваясь ее созерцанием."

А может быть, это в секте был 21 член? Нет, невозможно представить, чтобы родителям удалось заснять их ликвидацию. Это типа папа отстреливался от толпы культистов, еще и держа под мышкой маленькую Нелл (он сказал, что убил не меньше полудюжины, то есть восьми вместе с главарями, только в первом бою), а мама спокойно стояла рядом с кинокамерой и снимала? Да и зачем создавать и хранить такие улики против себя - если насилие было оборонительным и вынужденным, если просмотр и пересмотр кровавых сцен не вызывал наслаждение столь сильное, что это перевешивало любой риск?

"Они пытали их три недели." Нет, на три недели по каждому кейсу тут бы не хватило пленки, но, наверное, самые смачные места...

Да нет же! Все гораздо проще! Это просто чьи-то дни рожденья. От самого первого до полного совершеннолетия, все очень логично!

К чему гадать, Джон? Возьми любую бобину и посмотри. Лучше самую верхнюю, которую смотрели чаще всего. Тут наверняка где-то рядом и простыня, которую использовали в качестве экрана - хотя можно проецировать и прямо на стену. Проектор, наверное, все еще работает, или, по крайней мере, его несложно починить, с твоими-то навыками. А если даже и нет - просто выйди на солнце и посмотри на просвет. Это же кинопленка, а не видеокассета, разглядеть, что там изображено, можно и без всяких устройств.

Я поднял верхнюю бобину, повертел ее в руках. На ней был номер "12". 21 делить на 7 умножить на 4... ну да, как раз.. Может, это и есть родители Нелл? Может, их участь была как-то по особенному чудовищна даже на фоне всех прочих - и именно такой ценой они выкупили жизнь своей дочери?

Конечно, я и раньше понимал - и чем старше становился, тем отчетливей - что версия про оккультную секту звучит слишком романтично. Слишком похоже на комикс. И я говорил себе, что поступил правильно в любом случае, какая бы из версий ни была верна. Но одно дело - рассуждать теоретически, на уровне "если". А другое - точно знать. Я спас от этого знания Нелл, а кто спасет меня?

Стоп, подумал я. А разве полиция не должна была найти эту коробку, когда осматривала дом после исчезновения мамы? И если полицейские остались к этим пленкам равнодушны, значит, они совершенно безобидны! Небось, эти же халтурщики и сложили потом бобины не по номерам, вот бы мама их отчитала за беспорядок... Вот именно - халтурщики. А то я не знаю, насколько хорошо работает полиция - хотя бы на примере толстозадого шерифа! Скорее всего, они просто не стали ничего тут смотреть, решив, что весь этот старый хлам, покрытый многолетним слоем пыли, не может иметь отношения к исчезновению, случившемуся недавно. Исчезновению старой женщины, которое с куда большей вероятностью носило медицинский, нежели криминальный характер...

Гадания. Сплошные гадания. А ответ - вот он, у меня в руках.

Я положил бобину обратно в коробку, выволок коробку из-под прочего барахла и с усилием - она весила не так уж мало - потащил ее наверх.

Выйдя из дома, я обошел его вокруг, дабы, по сохранившейся с детства привычке, оказаться с задней стороны, там, где меня не видно с шоссе. Сгрузил свою ношу на землю. Затем принес канистру, облил пленки бензином и поджег. И стоял рядом, пока не убедился, что пламя сожрало их все, до последнего кадра.

2026

Читатель вправе остановиться здесь и считать именно это истинным концом истории. Или же ознакомиться с альтернативной концовкой на следующей странице.

Сцена после титров

Джон откинулся в кресле, глядя на испещренный черными строчками текста экран компьютера. Он сам не смог бы четко ответить, зачем он все это написал. Во всяком случае, уж точно не затем, чтобы отправить в какой-нибудь журнал или на литературный сайт под видом вымышленной истории. Даже притом, что он старался не упоминать ни географических привязок, ни фамилий (разве что Лоренцо, да и того на самом деле звали иначе), это было слишком опасно. И главная опасность, разумеется, была не в том, что текст мог увидеть какой-нибудь особо упорный полицейский, все еще помнящий о делах полувековой давности. Его могла увидеть Нелл. Даже будь он размещен под псевдонимом на каком-нибудь сетевом ресурсе, о котором она не слышала никогда в жизни. Впрочем, в эпоху интернете как раз очень легко случайно наткнуться на то, о чем ты не слышал никогда в жизни. Это вам не 70-е-80-е.

Не был этот текст и его собственным вариантом "коробки с бобинами". Чем-то, что хочется пересматривать снова и снова, наслаждаясь будоражащими воспоминаниями о когда-то совершенном преступлении. Или даже о когда-то совершенном подвиге, если трактовать это так.

Скорее им двигало побуждение упорядочить собственные воспоминания. Придать им стройный и четкий вид с дотошностью инженера, составляющего отчет о проделанной работе. Пусть даже этот отчет никто никогда не прочитает.

Но, возможно, не только это.

Возможно, это был род психотерапии. Самовнушения. Он писал это, дабы убедить самого себя, что все было именно так. Так, как подсказывала его память. Его рациональный ум.

Потому что его подсознание подсказывало иное.

Потому что в последнее время он снова стал видеть плохие сны.

В этих снах он одновременно был 54-летним инженером и маленьким мальчиком, маленьким настолько, что еще не умел считать и не смог бы назвать собственный возраст. В этих снах были его молодые мама и папа, но не было бабушки, потому что, на самом деле, они не оставляли его с ней, когда уезжали. Точнее, они стали делать это потом, после появления Нелл. А до того всегда брали его с собой. В снах он снова вспоминал эти долгие поездки на грузовике, огромном, как дом - только в этом доме не было окон. И сидеть внутри было очень скучно - пока не начиналось Самое Главное.

Своим теперешним умом, умом взрослого человека, действующим даже и во сне, он понимал, что куклы и мишки, даже в сопровождении трагической истории - это хорошо, но недостаточно. Это может убедить не всех. Тем более что историю надо еще иметь повод рассказать. А не всякая молодая мамаша захочет завести разговор с незнакомкой только потому, что та сидит с мишкой на коленях и улыбается.

Совсем другое дело - настоящий, живой ребенок! Вот это-то уж точно невозможно подделать никаким мошенникам и аферистам! Обычное дело - малыши играют на площадке, между ними возникает конфликт, мамы кидаются их разнимать и рассыпаются друг перед другом в извинениях: "Ах, простите, пожалуйста! Это, должно быть, мой первый начал, а я не уследила!" - "Ну что вы! Он у вас такой щупленький, разве он мог обидеть моего здоровяка! Вот ужо я задам своему бандиту, как придем домой!" - "Ох, пожалуйста, не наказывайте его строго! Мальчишки в этом возрасте просто играют, они еще не в состоянии отличать добро от зла..." - "Вы так добры, милая! Кстати, что-то я вас раньше здесь не видела?" - "Да, мы с мужем совсем недавно переехали в этот город и совсем никого здесь не знаем. А не могли бы вы рассказать мне..." Вот и положено начало новой дружбы!

В некоторых снах здоровяки нападали первыми, привлеченные его беззащитным видом или более красивой, чем у них, игрушкой. В других - он сам незаметно бросал им песок в глаза или говорил плохое слово, как учили его мама и папа. Кто знает, как оно было? Сны - они и есть сны.

А потом, когда он выполнял свою роль и начиналось Самое Главное, ему разрешали смотреть. Это была компенсация за всю скуку долгого пути и за все унижения, которые ему приходилось вытерпеть на детской площадке. Ему никогда не было страшно - как не было страшно, когда мама потрошила курицу. То, что папа и мама доставали из этих людей, было как у куриц, только намного, намного больше - прямо словно настоящая машина по сравнению с игрушечной. И курицы никогда не кричали, и у них не текла кровь. А они все всегда кричали на разные голоса, и большие, и маленькие, и это было так забавно, почти как игра на музыкальном инструменте с кишками и нервами вместо струн. Особенно ему нравилось, как визжат обидевшие его здоровяки. Впрочем, иногда это были и не здоровяки, но он и тогда с интересом наблюдал за процессом.

Но однажды... однажды он все-таки стал просить маму и папу: "А можно, можно мы оставим эту девочку себе? Я хочу ее на день рожденья!"